

A woman with dark hair, wearing a white, long-sleeved, floor-length dress with a large bow at the waist, is seen from the back on a boat. She is holding a glass of amber liquid. The background shows a body of water and a cloudy sky.

Дюда
как

пмады

Александр
Гребёнкин

Гера обладает необычным даром полёта. И эта её способность вызывает у одних — пламенную любовь и всплеск творчества, у других — желание подчинить и завоевать, у третьих — жажду обладания и овладения технологией чуда... Какова же судьба девушки в сложном, жестоком мире?

Часть первая. 1928 год. Глава 1. Нарисовать флейту и море

И вот блуждаю я, последний мечтатель земли, по краям ямы, как раненый нетопырь...
Юрий Олеша.

Сидя на краешке крыши и болтая ногами, я наблюдала, как парили птицы, купаясь в золоте дня. Мне так захотелось присоединиться к ним, что я встала на нагретую, пахнущую смолой твердь и, взмахнув руками, ушла ввысь.

Меня подхватили свежие воздушные струи. Меж высоких оранжевых домов с лимонными балконами, пронзая изумрудную листву деревьев, волнистой стеной стояла летняя радость.

Я шутя ловила птиц руками, кормила их зерном, ощущая на ладонях острые клювики. Кормление и полёты с птицами были привычными, но всякий раз доставляли мне удовольствие.

Я перевернулась лицом кверху. Лёжа на облаке, как на взбитой перине, я любовалась небесным океаном.

В ослепительно синем небе тожественно и мощно плыли белопенные корабли-облака, словно флот летнего дня.

Насладившись зрелищем, я повернулась лицом к громадной чаше города и стала снижаться.

Спикировав на толстую ветку тополя, я с удовольствием вдохнула запах листвы. Наблюдая как внизу прохаживаются люди, я повторяла про себя стихотворные строки, прочитанные утром:

А утром встану у фонтана,
И буду птиц я раздавать.
В волнах мирского океана
Я принесу вам благодать...

Покинув ветку, я полетела над белым городом, усыпанным цветами и зеленью листьев, и тень моя скользила по людным площадям, вишнёвым трамваям, зелёным улицам, пышным скверам и голубым домам.

Иногда мне нравилось делать озорные круги над прохожими, и смотреть, как они протирают глаза, стараясь прогнать видение — но я была реальной, во плоти, и в это трезвые рассудки не хотели верить!

Пролетая мимо концертного зала, я уловила торжественные звуки музыки. Наслаждаясь, я нырнула в эти волны, удивляясь чарам мелодии, её энергии, поднимающей ввысь, заставляющей ликовать каждую клеточку тела.

Я напевала под музыку:

Нам досталась награда судьбы -
Выйти к звёздам в тот ветреный вечер.
Хором муз нам назначена встреча

Среди звуков гитар и трубы.

Насладившись музыкой, я опустилась в сквере на скамейку.

Среди пропитанных жарким солнцем деревьев было пыльно и душно. Я пошла туда, где роскошным ковром раскинулись звёзды и чашечки цветов, застывшие во сне.

Цветочный аромат стоял стеной. С ним смешивались янтарные капельки фонтана, веером струившегося в причудливую амфору бассейна.

Мягко опустившись под деревья в бархатно-шелковистую траву, я стала изучать бабочек и жучков, неловко садящихся на стебли, да ящерицу, уснувшую на горячем камне. Божья коровка, сверкнув округлыми крылышками, камешком опустилась мне на руку, и, лёжа на животе, я ожидала, когда она поднимется на мой указательный палец и взлетит.

Тут же ощутила заинтересованный взгляд. Повернув голову разглядела мужчину в белоснежной рубашке и лёгкой светлой шляпе.

Его фигура призрачно колебалась в горячем жёлтом мареве. Едва видимое лицо, казалось, улыбалось. Он что-то говорил, но, ко мне долетел обрывок фразы:

— Ваше платье, похожее на лепесток... прекрасно гармонирует...

Я мысленно послала ему махровый пион с клумбы, и, спустя миг, он, недоумевая и очарованно, вертел его в руках, трогая широкие лепестки.

Наверное, моя улыбка проникла в его сердце и ещё более обескуражила, поэтому, подойдя ближе с цветком в руке, он только смог произнести:

— А как вы это делаете? Это что..., это фокус?

И смешно моргал коричневыми глазами. Его круглая и красивая чёрная борода слегка топорщилась.

Я ответила ему что-то банальное, заливаясь смехом.

Он улыбался, потом рассеянно вынул луковицу часов на кожаном ремешке, красиво хлопнул крышечкой и сказал:

— Сейчас на аэродроме будет авиапарад. Вы пойдёте?

Мне он показался забавным, поэтому, отделившись от земли, я подошла к музыкально журчащему фонтану, омыла прохладной струёй руки, и, всё так же улыбаясь, пошла с ним по аллее.

Он изредка ронял какие-то фразы, больше улыбался. Мои уста отражались в его шоколадных глазах и были похожи на улыбку ромашки.

Трамвай доставил нас в гудящую, словно улей, толпу.

Лазурное небо уже разрезали четыре машины. Оркестр гремел, в небесную высь уставились сотни глаз. Жадные — вихрастых мальчишек, отчаянные — девчонок в косичках и бантах, восхищённые — дам, восторженные — военных, скрипящих ремнями.

Моторы аэропланов трещали и гудели. Пилоты то круто взмывали вверх, то внезапно падали вниз, совершая сложные пируэты, и мне так хотелось заявить, что умею не хуже, хотя мне и не достичь такой стремительной скорости. Едва уловимым движением воли я устремила стайку проворных птиц вслед за железной машиной, но, сопроводив её пару минут, стайка распалась на два рукава и рассеялась в небесной реке.

Когда восторг от жужжащих, подобно осам, небесных машин несколько поубавился, мой чернобородый спутник хлопнул свой блокнот, в который что-то набрасывал резкими штрихами и взял меня под руку:

— А позвольте узнать, как вас зовут, прелестная незнакомка?

Я сначала промолчала, думая, не сменить ли мне имя, но, вспомнив о суровой богине, всё же решила назвать себя.

— Вас зовут Гера?! Как жену Зевса? — недоумённо спрашивал мой спутник.

— А что? Не подходит?

— Нет, наоборот, загадочно и чудесно! Имя необычное, настраивающее на нечто серьёзное. Представлюсь и я. Ковалевич Максим. Позвольте пригласить вас в свою мастерскую.

— Вы художник? — просто спросила я. — А сможете нарисовать флейту и море?

— Сочетать флейту с морем? — он вскинул щёточки чёрных бровей в некоем замешательстве. — О, это будет трудно... Но я попробую... Это так красиво. У вас хорошее воображение. А взамен вы научите меня фокусу с цветком?

— У вас такие желания, — немного иронично промолвила я. — Чтобы исполнить их нужно пройти большой путь.

— Я готов пройти этот путь, — шутливо щёлкнул каблуками мой спутник, и в тёмных озёрах его глаз зажглись оранжевые искорки.

Рука художника, изящная и длинная, как лиана, указала мне путь. Говоря о чём-то вечном и неземном, мы шли меж кустов и деревьев, в ту сторону, где лучи утомившегося солнца стали окрашивать мир в импрессионистские тона.

Вызванный нами таксомотор резал пространство, как бритва. Бабочки бессильно бились о стекло, а аромат диких роз сопровождал нашу поездку по окраинам города. Здесь возвышались старинные дома, утопающие в зарослях лавра, тополей и вишен.

Мы мало говорили из-за отчаянного рёва мотора и пения ветра. Но Максим изящным жестом показывал мне наиболее примечательные места, и я понимала его без труда, испытывая лёгкость и подъём.

Мраморная аллея привела нас в симпатичный светло — жёлтый особняк, с аккуратными башенками на крыше, загадочно сияющий стёклами, в которые бились вечерние лучи.

Внутри дома — мраморная лестница, комнаты с поднебесными потолками, важными люстрами, с медными ручками и витражами в дверях. В доме были лишь мы вдвоём, да ещё кто-то третий, но казалось, что обитало сотни людей. Это на нас смотрело множество глаз с картин и скульптур, причём у первых глаза были живые, яркие, то у вторых — потухшие, мёртвые.

— Я украшаю свой дом картинами и скульптурами. Здесь есть мои и чужие. Здесь — и классика, и современность. Я украшаю свой дом древними богами, ангелами, красивыми людьми, мощными красками, мраморными изваяниями, бронзовыми фигурками и сосудами, керамикой, деревом и цветами. Но это ничто — без живого человека, без любви, верности и нежности. Это искусство красиво умирать, не более, — длинно и высокопарно говорил Максим.

Шагая по комнатам, он показывал изящным жестом:

— За этим мольбертом я работаю... За этой конторкой пишу письма... За этим ломберным столиком играю... У этого камина грею руки в холодные зимние вечера...

Максим много и велеречиво рассказывал мне о своих работах, но всё пролетало мимо моих ушей, и, одновременно, всё оседало во мне.

Я охватывала взглядом картины, среди них действительно было много живых и ярких, но были и мёртвые, и немало.

Утомившись от моей дежурной улыбки и общих фраз, он завёл мне граммофон, извинился и удалился, оставив меня одну, наедине с сотнями лиц. Я же выбрала одно — это был милый лик девушки, сидящей в комнате за столом.

На граммофоне крутилась пластинка. Звучала музыка Бизе, это было нечто плавное, кажется «Второе интермеццо». Я же всматривалась в сидящую за столом девушку на картине. Рядом стоял кувшин, чуть вдали светилося зеркало. Вглядываясь в пространство картины, я всё больше проникала в ткань другого, параллельного мира, я вбирала пространство в себя, и вскоре очутилась в той самой комнате, рядом с той девушкой. Я стояла, глядясь в воротник и складки её старинного платья (меня она не видела). Потом подошла к зеркалу, в котором, кроме меня, стала отражаться наша комната, и Максим с подносом в руках, на котором янтарём сверкали бокалы, в растерянности искавший меня.

Я обернулась и помахала рукой с картины, но он не догадался посмотреть на нас с незнакомкой, тут же вышел из комнаты.

Я ринулась назад, и попала в последние лучи нашего летнего вечера, и успокоила моего художника своим появлением.

— О, Гера, вы словно солнечный луч, можете внезапно приходите и также тихо таять, — промолвил он изумляясь. Глаза его горели удивлением и тайной.

— Я посетила её дом, — указала я пальцем на картину, — и видела вас оттуда. Вы и сами были будто созданы кистью художника иного мира.

То, что я сказала, потрясло его, хотя, как мне показалось, он мне всё же не поверил. Но лицо Максима лучилось и сияло, он мне говорил много ласковых и забавных вещей, водил по дому, показывал и комментировал свои чудесные картины и скульптуры, и мне казалось, что я попала в лабиринт ещё нехоженых тропок, по которым ещё нужно пройти, и тайны разгадать.

В бокалах зашумело вино, менявшее цвет от светло-соломенного с зеленоватым оттенком до золотистого, с очень тонким ароматом, и когда мы испробовали его, то у меня слегка поплыла голова.

Вошла женщина с тёплым и добрым взглядом, которую Максим представил как домработницу Люсю. Она унесла посуду.

Мне захотелось домой, и Максим вызвался меня проводить. Вечер был гранатовым, уютным, над тёмно-зелёным каштаном повисла синяя звезда. Мы быстро мчались в пролётке сквозь вечернюю мглу.

Дверь подъезда моего дома была уже закрыта, пришлось звонить в дворницкую. Прощаясь со мной во дворе моего дома, под звёздным шатром ночи, Максим осмелился дотронуться губами до моей руки.

— Я хочу писать вас, и я буду вас писать... Можно мне посетить вас ещё раз? — лепетали его уста.

— Я подумаю над предложением, и сама найду вас, — таков был мой ответ, и белый костюм моего мастера остался сиять под моим окном.

Глава 2. «Вы вдохновляете на творчество»

Я рано ложусь и спозаранку просыпаюсь, иногда — по заводскому гудку. Рано утром всегда что —нибудь интересное увидишь. Вчера я наблюдала летящих на фоне зари лебедей, схожих с красными платками.

Но сегодня я просыпаюсь позже обычного.

Лёжа оглядываю свою комнату. Ветер надувает занавеску, как парус. В комнате, увешанной картинами, литографиями, наполненной старинными вещами, купленными на барахолке, пляшут солнечные лучи. Иногда в такие ясные дни я за столом с удовольствием перебираю старые открытки из ларца.

Но сейчас я выхожу на балкон.

Утреннее солнце роняет лучи в дымящиеся травы росистых газонов. Во дворе привычная картина — интенсивно машет метлой мрачноватый дворник Филипп с железной бляхой на груди, о котором говорят, что он когда-то был священником, но о чём он сам никогда не заговаривал.

Вот наш деревянный сарайчик, за которым на верёвках сушится бельё и на железной крыше которого греются дворные коты. У сарайчика возится, готовится к поездке на рыбалку весёлый дядя Николай, токарь нашего завода. Он лукаво подмигивает мне и спрашивает, когда же вместе на рыбалку поедем? Я не против, машу рукой, улыбаюсь и киваю, обещаю, что поедем, как только в лесном озере появится самая большая рыба.

— А плезиозавра не хотите? — внезапно вопрошает с соседнего балкона худенький и лысоватый профессор Петрусь.

— Это будет железный аргумент, — смеюсь я и приветствую дорогого мне человека, который долгие годы заменял мне отца.

Петрусь тоже любит рано вставать, любит свежим утром, и мурлыкает под нос песенки собственного сочинения.

— Ножи — ножницы точу! — доносится снизу голос точильщика. Кто-то уже спешит к нему, и вот точило жужжит, летят разноцветные искры.

Я удаляюсь в комнату для кормления птицы.

После кормёжки мой питомец пробуждает у меня желание полетать, и мы вместе взмываем в яркий молодой день. С разгона мы врываемся в лёгкие белёсые облака. Нас подхватывает ветер, и мы скользим в его волнах, словно в бушующем море. Ветер обжигает лицо так, что захватывает дух, и мы с моим воспитанником снижаемся, и вот уже скользим над Дворцовой площадью, вдыхая запах смолы и дёгтя, потом мчимся к реке, вода которой морщится на ветру, а затем дружно летим к зубчатой стене крепости.

Ветер свистит флейтой в бойницах... Мы сидим, я гляжу, как чистит клювом пёрышки мой воронёнок и перед моим взором оживают картины...

Вот опускается подъёмный мост, и заезжают храбрые всадники и среди них князь в нарядном облачении... Вот бряцающие доспехами и оружием воины занимают свои места у бойниц, и, можно заметить, как подбираются к крепости хитрые быстроглазые враги, прячась в высокой траве...

Но мой любимец, вращая чёрной головой, нетерпеливо рвётся в полёт, и мои картины прерываются. Мы возвращаемся в наш район, к дому — прогулка закончена!

Во второй половине дня автомобиль просигналил, как пионерский горн — призывно и протяжно.

Меня подхватила и понесла к окну радость: так и есть — Максим стоит у автомобиля, за рулём — верный и честный шофёр в кожаных перчатках с раструбами.

Волнение охватывает меня с головы до пяточек! Миг — и на мне одето лучшее моё ситцевое платье. Чтобы его украсить я тут же вообразила себе «милль флер» — тысячу цветов, и вот эта россыпь маленьких изящных растений украсила моё жемчужно-белое одеяние.

Романтическое настроение только усилилось! Покрутившись перед зеркалом, я, довольная, бросилась вниз к машине. Меня ждала целая корзина цветов!

В кремовом костюме Максим сиял. Также сиял и ресторан, самый дорогой в городе, с чинным швейцаром с золотыми галунами, картинами в шафранных рамах, с внимательными официантами в хрустящих одеждах, с белоснежными скатертями и блистающей дорогой посудой, с бутылкой шампанского в ведёрке со льдом.

Ножи и вилки ловили синий и золотой цвет, шампанское искрилось и пузырилось в бокале.

В этот вечер Максим ласково смотрел на меня и не умолкал, его вопросы обо мне и моём мире были деликатно — осторожными, а рассказы о творчестве — чудесно занимательными и глубокими.

— Я ведь ничего не знаю о вас. Кто вы, моя прелестная Гера? Вы производите впечатление образованной молодой женщины, только вы закрыты, как шкатулка с секретом.

Я что-то отвечала, типа, «да закончила», «да, работаю, танцую», «нет, не состою»... Одинока? Нет, у меня ведь есть птица!

Максим Ковалевич улыбался.

— Я ведь что планирую, — сказал он, осторожно взяв меня за руку. — Я хочу, дорогая Гера, чтобы вы стали моей моделью!

— Приблизительного этого я и ждала. Позировать вам? — лукаво спрашиваю я.

Мой милый мастер залился краской.

— Вы ведь вдохновляете на творчество, Гера, как жёлтая Луна вызывает приливы и отливы... Вы словно солнце, с вами светло и весело.

Я рассмеялась и убрала руку.

— Вы хотите, чтобы я застыла на постаменте, подобно античной богине?

— Именно! — глаза его заискрились. — Я хотел бы видеть вас в блеске божественной славы...

В это время проходящий мимо человек с дамой поприветствовал нас, и Максим сразу же откликнулся, пожав ему руку:

— Боже, Мишель, какими судьбами? Как давно ты не заходил...

Стоявший перед нами человек с весёлыми синими глазами, очень собранный, в тщательно вычищенном костюме с манжетами и бабочке, с интересом посмотрел на меня, поправил пятернёй светлые волосы и слегка поклонился.

Максим тут же познакомил нас, представив своего приятеля, как Михаила Булатова, драматурга и писателя. Его дама, стройная и элегантная, в дорогой заграничной шляпке звалась Верой.

Булатов тут же сказал нечто остроумное, от чего все мы сразу залились смехом, но мне, почему-то показалось, что несмотря на внешнее жизнелюбие, он где-то внутри себя очень страдающий человек.

Булатов и его дама отправились к своему столику. Краем глаза мне было видно этого загадочного человека, в душе которого я прочла печаль. Он курил, шутил со своей спутницей, и иногда бросал заинтересованный взгляд в нашу сторону. Но в этот вечер моим королём был художник Максим! И когда от выпитого закружилась голова, он пригласил меня к себе и, прощаясь, слегка кивнул Булатову.

День грядущий к обеду уже приготовил мне сюрприз — у подъезда остановился легковой извозчик в кафтане, и внимательный Максим (он сегодня в кожанке и кепке) везёт меня к себе. Студия находится внутри необъятного дома, и, прибыв, я снова улавливаю взгляды множества лиц.

После долгих и утомительных приготовлений я, наконец-то, застываю в образе Геры Барберини (статуи, хранящейся в ватиканском музее Пия-Климента, и как уверял Максим, это римская копия скульптуры работы самого Праксителя). Мои волосы, увенчанные диадемой, разделены посредине пробором и убраны назад, сквозь тонкий хитон видны контуры тела, но складки плотного гиматия, спадающего с правого плеча, надёжно скрывают мои тайны от нескромного взгляда. Очень трудно долго стоять, слегка наклонившись вперёд, да ещё и держать в руках жезл, поэтому мы договорились лишь о двух, не очень обременительных, сеансах.

Максим, нервными мазками кисти набрасывавший мою фигуру, восторженно говорил о красоте моего тела. Он намекнул, что хочет написать меня купающейся в источнике, то есть в ручье Канаф, близ Нафплиона, где богиня Гера, совершая ежегодное омовение, становилась девой! Но лукавым жестом ладошки я остановила нескромные порывы моего увлечённого художника.

Но вот сеанс на сегодня, наконец, окончен, и Максим предлагает мне новую программу развлечений.

Вечером нас ожидает зеленеющее нежной травой футбольное поле и трибуны, заполненные воодушевлённо шумящими людьми. Какие только лица здесь можно узреть! Сколько голов надо мной и подо мной: спокойные инженеры в форменных пиджаках и фуражках; горячие рабочие — мужчины с папиросами, в косоворотках и мохнатых кепках, их пламенные работницы в красных кумачовых косынках; важные служащие в пенсне и в очках, в блузах и толстовках; оживлённые дамы в шляпках; серьёзные военные во френчах с ремнями и петлицами; свистящие пацаны в тубетейках с прилипшей к губам шелухой семечек; кричащие юноши в фуражках и полосатых футболках, со значками ОСОАВИАХИМа. Рябом с трибунами зорко следят за порядком стройные милиционеры в белых гимнастёрках с красными петлицами. И вот — увлекательный матч между командами, название которых запомнить не удалось, ибо лишь только неистовые ноги футболистов забегали по полю, как я унеслась мыслями куда-то далеко, и так же, как в тумане, отвечала Максиму, улыбалась и кивала при виде его знакомых, кричала и свистела (быть может невпопад). Но когда Максим сжал мою руку, и я увидела его отчаянные глаза, тот тот же догадалась в какие ворота нужно послать мячик этих несерьёзных людей, чтобы моему возлюбленному было приятно. И этот гол, забитый с моей помощью, стал решающим,

чтобы испытать восторг победы!

Глава 3. «Мне важна сказка полёта...»

После матча нас ждал буфет с яичными стенами, в котором мы недолго побаловались золотисто-пенным пивом, так уместным при сегодняшней жаре. Максим познакомил меня с человеком маленького роста в фуражке с большим козырьком, любителем футбола, игроком и писателем. В петлице его пиджака красовалась роза.

— Георгий Алёшин, — скрипучим голосом представился человек.

Они с Максимом долго обменивались впечатлениями о матче, размахивая руками и крича, а потом возвратились к пиву, мочёному гороху и ракам. Последних наш новый знакомый поглощал страстно.

Потом мы шли по улице под липами, вдыхая запахи листвы и травы. Кричали извозчики, торговки и чистильщики обуви. Мимо нас шагали, смеясь, лузгая семечки и лакомясь мороженым, компании ребят, а также разряженные любители «прошвырнуться» по вечернему городу.

Тут Алёшин обратился ко мне:

— Я так понимаю, вы на футбол попали не по своей воле...

— Это я туда завлёл Геру, и, наверное, заставил её поскучать, — попытался объяснить за меня Максим, поблёскивая цыганскими очами.

Я пожала плечами:

— Нет, почему, всё было забавно, особенно наблюдать, как...

— ...взрослые мужчины полтора часа бегают за мячом, заставляя зрителей всерьёз и страстно воспринимать это несерьёзное занятие, — закончил за меня Алёшин с улыбкой.

— Но нужно же чем-то занимать этих взрослых мужчин, — тут же заметила я.

— Отработавших и желающих отдохнуть... — подхватил мой собеседник.

— Ну да... Раньше это были гладиаторские бои, гонки на колесницах, или олимпийские состязания. А теперь это футбол... Так что... отнеслась с пониманием..., - сказала я.

— Между прочим бега — то остались. И в Испании — коррида, — вставил Максим.

— Человек должен где-то выпускать пар, — веско сказал Алёшин. — Это древние инстинкты, и они дремлют в каждом. Конечно, хорошо, когда человек занимается творчеством, поэзией, искусством. Ну, а как же страсть, азарт... Это никуда не спрячешь. Лучше уж футбол, чем, допустим, карты...

— А я и бильярд обожаю... Шары погонять, — сказал Максим.

— Для меня же лучшим отдыхом остаются книги и музыка. Так получилось, я с детства жила, да и сейчас живу достаточно одиноко, поэтому — это моя единственная отрада, средство общения с миром, — промолвила я задумчиво.

— Отличное увлечение, но оно не равно спорту, — сказал Алёшин. — Кстати, я и сам футболист.

— Я это почувствовала по тому, как вы с Максимом разбирали сегодняшний матч.

— Но он ещё и писатель! — с улыбкой напомнил Максим.

— Да, книги вы хорошие пишите. Так что — гармония есть! — сказала я.

Алёшин смущённо улыбнулся, а Максим нарочито серьёзно спросил:

— Гера, а какие книги присутствующего здесь писателя Алёшина вы читали?

— У писателя Алёшина есть замечательная сказка о великанах, которые владывают

над целой страной, но потом народ их свергает. Она вся наполненная яркими образами и метафорами. И рассказы очень образные, увлекательные...

Алёшин ничего не успел ответить на это — на горизонте появился новый участник событий.

— Товарищи, а вот движется навстречу нам выдающийся архитектор! — весело воскликнул Максим.

Впереди не спеша шёл человек в круглых очках, с небольшой золотистой эспаньолкой. Его тонкое и чувственное лицо было напряжено, рыжие волосы из-под шляпы завивались колечками. Он несколько высокомерно оглянул нашу компанию, здороваясь за руку, сразу же зацепил меня медовым глазком, и я вспомнила, что мне говорила гадалка: «Пуще всего опасайся по жизни рыжебородого человека, ибо он для тебя опасен».

— Представляю — Гера... Красивая и таинственная девушка, балерина. А это — Степан Верлада! — познакомил нас Максим.

Итак, рыжебородый оказался архитектором, приятелем и коллегой Максима. Я успела отметить, что на душе у Верлады смутно, но всё же подала ему руку.

Разговор потёк какой-то туманный и зыбкий, почти ничего не запомнилось, чтобы привести его здесь.

Помню, что шли мы по набережной и много говорили. Ребята в пионерских галстуках запускали планеры. Играла музыка и бродили нарядные прохожие: кто-то лузгал семечки, кто-то смаковал эскимо на палочке. Мы тоже заглянули в тележку мороженщика — там, в царстве колотого льда стояли бидончики с кофейным, розовым и ванильным мороженым. Мороженщик наполнил нам четыре вафельных стаканчика.

У причала мы разделились. Алёшину нужно было перебраться на противоположный берег, и он сел в катер, полный шумных и весёлых пассажиров. Верлада остался среди весёлых отдыхающих, запускавших воздушного змея. Прощаясь, он чуть приподнял шляпу. Я долго ощущала на себе его цепкий взгляд.

Мы с Максимом пошли далее среди шумной толпы.

На речной глади блестели золотые глаза фонарей. В небе взрывались звёзды — это запускали салюты. И здесь случилось то, что заставило проявить мои способности. Девочка в темно-голубом, будто лепесток, платье делала шажки по каменному парапету набережной и вдруг поскользнулась. Очевидно, не уследила мама, отпустившая руку девочки. Когда девочка стала падать — я среагировала мгновенно, подхватив на лету падающее вниз тельце.

Вместе со спасённой я поднялась вверх — собралась толпа, посчитавшая произошедшее чудом, не могущая объяснить мой полёт.

Максим восхищенно шептал мне:

— Я знаю, что ты способна на разные штуки, но такое... Это ведь была левитация? Как ты это делаешь?

Я смущённо и туманно объяснялась, затем, взяв Максима за руку, поспешила уйти из гудящей толпы, чувствуя на себе глаза Степана Верлады.

В конце лета мы с Максимом поехали к морю.

Слепяще било в глаза лукавое и горячее солнце. Устав от радостей жизни потихоньку желтели листья. Август осыпался плодами, которые заполняли запахами сады и базары. На

прилавках краснели медовые яблоки и сиял голубизной виноград.

Море — могучее и виннопенное, как называл его Гомер, плескалось о скалы, обдавало свежим ветром, насыщало энергией, блистало под солнечными стрелами золотисто-серебряными искрами.

Пригретые и разнеженные мы с Максимом лежали в густой тени в саду под трескотню цикад.

Природа стояла в покое. Взятая книга была отброшена, затребованы были жаркие поцелуи и изящные нежности, ласкающие тело и душу. Слова о любви перелетали из уст в уста, словно вспугнутые птицы.

Мы жили в доме отдыха. Меня очаровывало то, что рядом со мной мужчина, который так мило и очаровательно спит, который по моей просьбе сбрил бороду и теперь по утрам взбивает в чашечке пену и бреется узенькой и острой бритвой «Золинген» до гладкости щёк, который любовно набрасывает карандашом на бумаге меня спящую.

В лёгких и просторных одеяниях мы с Максимом ходили на прогулки в горы, окунались в солёный плотный прибой, ловили опасных, похожих на абажур медуз, часами лежали почти нагишом на горячем каменистом берегу, с удовольствием замечая, как покрываются виноградной смуглостью всё новые участки нашей городской кожи, как выцветают и выгорают тёмные наши волосы.

Далеко, за много километров, в закрытой мастерской ждала нас картина «Гера», ожидавшая внимательных и требовательных рук художника, который должен её завершить, но мы об этом не думали.

Подкрадывались южные бархатные сумерки, небо взрывалось миллионом сгущающихся звёзд, но спать нам не хотелось. В такое время мы часто сидели на скамейке в обнимку и слушали море.

А потом пришёл ветер, и остановился, запутавшись в густой занавеси вишнёвой ночи, зашелестели пальмы, и грозными взрывами разбивались волны о скалы.

На следующий день, несмотря на ненастье, я, подобно чайке, воспарила среди скал над морской волной, цепляла вал рукой и взмывала ввысь к утёсу, на котором застыл восхищённый Максим.

— Почему ты так редко летаешь? — задал он мне давно интересовавший его вопрос.

Я опустила лицо, будто изучала, как волна намывает песок и выбрасывает на берег крабов. Он ждал ответа, и я сказала:

— Чтобы летать, мне нужно быть одинокой.

— Значит виной всему я? — встревоженно спросил он.

— Любовь меня привязывает к земле, и я теряю свою способность... Но... я не могу не любить тебя! Я очень благодарна судьбе за то, что встретила тебя, ты мне очень дорог...

Он обнял меня, и мы, спустившись вниз, побрели по песчаному берегу.

— А научи и меня летать, — нерешительно попросил он.

Я вздохнула.

— Ну, ты же знаешь — этому не учат. Научиться летать невозможно... Это скорее... состояние духа. Конечно, это трудно понять.

— А как ты обнаружила этот талант в себе? — спросил он.

— Сначала, когда папа взял меня с собою в полёт, я думала, что умру от страха. Никакого желания летать тогда я не испытывала. Правда было чудесно, красиво, но страшно! Всё это потом приходило во сне, но всё же было страшно.

— Гера, а где твои родители?

— Они умерли. Для всего мира умерли. Но, лучше не будем об этом... Было это давно, я была ещё подростком. Меня воспитал профессор Братусь, он и сейчас мой сосед.

— А когда же ты совершила свой первый полёт? Тебе запомнился этот день? — допытывался мой возлюбленный.

— А это пришло само. Произошло это событие в начале лета. Я стояла в запущенном парке, заросшем орешником, травой и цветами на заглохшей аллее. Смотрела на сень могучих тысячелетних лип. Наверху, в свежей зелени, порхали, посвистывая, пёстрые птицы. И мне так захотелось к ним, к вершинам лип, и я почувствовала, что отрываюсь от земли и парю над дорожкой! А потом мне захотелось подняться к вершине тополя, ушедшей высоко в небо. Я представила себе это и спустя минуту была уже там! Летала ещё очень медленно и осторожно. Нет, страху не было, просто не умела управлять собой, и боялась об что-нибудь расшибиться. Совершала полёты лишь ночью, когда и сами звёзды летали меж деревьев, как светляки.

— А как же остальные твои способности? Птицы летят в нужном тебе направлении, ты умеешь дарить цветы, извлекая их из воздуха, тыходишь в картины, направляешь мяч в ворота, не прикоснувшись к нему... Всё это поражает! — горячо взмахнул руками озадаченный Максим.

Я улыбнулась и вздохнула:

— Научишься летать — придёт и всё остальное. Скажу только — это не самое трудное... Просто, иногда ты видишь всё это в окружающей тебя материи, остаётся только приложить силу, умственную, или энергетическую.

Максим остановил меня за руку и внимательно посмотрел в глаза:

— Послушай, Гера, а ты не хотела бы...

Я сразу угадала, о чём он хочет спросить и поспешно возразила:

— Нет, не хотела бы. Ни деньги, ни власть меня не интересуют. Да и тебя тоже — иначе я бы не стала связывать с тобой свою судьбу. Я чувствую людей, и ты не такой, ты чистый! Мне важна сказка полёта, красота и радость мира. Мне хотелось бы прожить эту жизнь ярко и приносить максимальную пользу, но какое-то время меня охватывали сомнения. Наконец, я нашла себя в танцах. Я хочу приносить радость людям, танцуя и отдавая часть своего мастерства другим.

Максим обнял Геру своими тонкими, но сильными руками и прижал к себе, словно защищая от ветра.

Глава 4. «Как трудно быть стрелой в полёте»

Ночь накрыло тёмным плащом туч и мелкой сеткой дождя. Фонари дрожали во тьме.

Запахнувшись в тёплый халат, я сидела на балконе, и слёзы мои капали в унисон с дождём. Трагическая судьба Юлия Валерьевича Братуся, человека, который после ухода отца и матери, воспитал меня и поставил на ноги, тяжёлым камнем легла на душу.

Это случилось, когда мы с Максимом были на юге. Как рассказала взволнованная соседка к Юлию Валерьевичу пришли какие-то люди в тёмных плащах. Профессор вышел с ними, у парадного входа обернулся, сообщил, что уходит ненадолго и сел в чёрную машину. Десять дней от него не было ни слуху, ни духу. А затем в квартире соседки раздался звонок. Звонивший не представился, просто сообщил, что гражданин Братусь скончался в условиях предварительного заключения...

Отгремел оркестр, и серая осенняя земля засыпала гроб, и застыл над могилой деревянный крест. Максим как мог утешал меня, но ощущение несправедливости происшедшего не оставляло.

Заказав памятник, я шла одна по улице, и на душе у меня было тяжело.

Трагедия с близким человеком совпала с официальным и непонятным для меня закрытием балетной студии, где я работала. Так что в считанные дни я оказалась одинокой и безработной.

У Максима сегодня была лекция в институте, поэтому я шагала в одиночестве и плакала вместе с осенью, которая багряно-жёлтой листвой осыпала мне путь. Я стала под деревом и жестом руки вызвала целый цветной дождь.

Я смотрела на эти кружащие и опадающие листья, потом подошла к скамейке и тяжело села. Мне сегодня не леталось, хотя и хотелось бы взвиться в холодный и прелый осенний воздух и полететь вслед улетающим журавлям.

Рядом со мною сел какой-то высокий мужчина в чёрном старом плаще и серой шляпе.

Он сидел на противоположном конце скамьи, но я всё же чувствовала сильную энергетику его большого тела, сдержанность его огромной силы. Хотелось встать и уйти, но я почему-то не могла подняться. Собравшись с силами, я встала, бросила взгляд на соседа и встретила с его сумрачными и суровыми глазами. Он встал, взял меня за руку и вынул из кармана бутылку.

— Пейте, — строго сказал он.

Я покачала головой.

— Нет.

— Отпейте глоток, и вам станет легче, — промолвил человек всё так же сурово. Вглядевшись, я поразились. Вся судьба была написана на его землистом, худом, длинноносом лице, изрезанном морщинами. Под жёсткими усами, сивыми от табака, таились плотные, крепко сжатые губы.

Я повиновалась и нутро обожгла какая-то жидкость. Сначала мне было неприятно и горько, потом легче, как будто по жилам растеклась живая вода.

Я присела на краешек скамьи, и он сел рядом.

— Послушайте, я не знаю, что мне делать, — заговорила я. — Жизнь поворачивается ко мне своей тёмной стороной, я это ощущаю. Я потеряла самого дорогого мне человека, любимую работу и чувствую пустоту...

— Как трудно быть стрелой в полёте. Не сломаться, не упасть, а лететь, — загадочно сказал он, блеснув глазами. — Но вы же не одиноки, как одинока стрела в своём полёте?

— Нет, у меня есть любимый человек. Он и моя птица — это единственные существа, связывающие меня с миром. Но это — тонкая нить и я боюсь, чтобы она не прервалась!

— Вы напрасно так быстро капитулируете перед миром. Вас наделила судьба необычайными способностями, и, я чувствую — это и нужно дать людям. Будьте естественны, как весёлый плеск майского серебряного ручья... Вслушивайтесь в музыку скрытого на хорах оркестра, зовущего в замечательную страну.

— Вы говорите красиво и загадочно. Но, даже поперёк ручья может упасть камень...

— А вы будьте тем ручьём, который бурным потоком обходит камень и победоносно струится дальше! Вам нужны только мужество и решительность. Держитесь и возможно всё осуществится!

Я кивнула и встала, полная решимости — такую силу и уверенность вселил в меня этот чёрный человек.

Он встал и пошёл проводить меня. Мы шли до выхода из парка, свернули на набережную, и тут он, прощаясь, сказал лишь удивительное и нежно-крылатое слово «летите».

И я взвилась в воздух, полетела над городом, а затем, обернувшись, увидела, как одинокая фигура на вечерней набережной тает вдали.

Потом осень стала солнечной, лёгкой и пошли тёплые дни.

Как-то мы с Максимом стояли на холме, у кустов боярышника, посреди леса. Он пытался взлететь, расправлял руки, но потом звонко смеялся — у него ничего не выходило!

Я легко подымалась, висела над шапкой холма, украшенного красными ягодами. Войдя во вкус, развив скорость до свиста ветра в ушах, я стремительно летала над деревьями. А Максим сидел на холме сложив руки, и грустно глядел на меня...

Преодолевая все трудности с разрешением, Максим Ковалевич и его единомышленники готовили выставку в Музее живописной культуры. Большинство обязанностей на себя взял Август Штенберг, видный живописец и график. Бородатый и весёлый, он летал по залам, как бог с картин Микеланджело!

В этом Обществе художников царила творческая атмосфера, в нём господствовал жадный интерес к революционной новизне, к яркой и такой многообразной жизни и к новаторству в живописи.

Я, как могла, помогала мастерам, познакомилась со многими и была поражена выставленными работами. Одни художники тяготели к изображению городской жизни, новой техники, индустриального пейзажа, спорта, молодых, физически развитых людей. Их работы отличала динамичность, чёткость композиции, графичность в передаче форм. Другие демонстрировали лаконичный и экспрессивный художественный язык. Они смело вводили в свои работы элементы графики, плаката, фрески, конструктивистского монтажа,

равно как и приёмы образного отстранения, свойственные сюрреализму.

Когда вспыхнул медно-жёлтый свет, упала перерезанная ножницами алая ленточка — грянули аплодисменты и зазвучала бодрая музыка оркестра. Посетители с улыбками на устах вошли в зал. Некоторых художников я уже знала. Поприветствовали меня и недавние мои знакомые — абсолютно безмятежный, быстро терявшийся в толпе и похожий на гнома писатель Алёшин, его друзья — развесёлый литератор Котов и тяжело дышащий, несколько угрюмый поэт Багрецов.

И тут холодок пробежал по телу — меня взял под руку Степан Верлада. Архитектор стоял в строгом костюме, лукаво и скептически поглядывая очками. Рядом с ним стоять было ужасно неприятно, и меня выручил откуда-то появившийся Булатов — весёлый, сияющий синими глазами.

— Очень правильно, что вы пришли... Максима нужно поддержать! — сказал Булатов и тут же мягко добавил: — Я вас украду ненадолго... О, я вас понимаю, тоже не переношу этого Верладу. Ужасно заносчив... Он хочет нас всех опутать, всех завоевать...

Мы отошли в сторону.

— И я очень рада вас видеть, Михаил. Но что означают ваши слова? — спросила я, улыбаясь приятному и аккуратному человеку.

Булатов зашептал:

— Опасный тип... Откуда взялся — никто не знает! Но ловок и талантлив, как чёрт! Именно — ловок и талантлив!

В это время началась торжественная речь Штенберга, и все стали слушать:

— Дорогие гости, уважаемые поклонники живописи, друзья и соратники по цеху! Я рад, что вы нашли время сделать настоящий революционный шаг вперёд и прийти к нам! Итак, что же вас ждёт в этих стенах? Здесь вы увидите работы разных стилей и направлений. Но главное, что их объединяет, это смелость поиска! Есть и традиции, но — долой традиции! Сюжет полотна не должен быть замкнутым, он становится органической частью бесконечного мира. Мы укрупняем и выдвигаем на первый план людей! Изображая их контрастно, цветом и размером по отношению ко всему остальному, наши художники подчеркивают их мощь, силу, динамику. Станковая живопись вбирает в себя элементы монументальной живописи! И это так созвучно нашей советской эпохе!

Слово взял Максим Ковалевич, и я оторвалась от Булатова, во все уши слушая своего любимого мастера. Максим говорил негромким голосом о том, что лучшие традиции прошлых эпох не стоит огульно отбрасывать, они с нами, они за нашей спиной, и мы должны творчески их преобразовывать!

Люди зашумели, раздались жидкие аплодисменты.

— Bravo! — закричал, пробиваясь через толпу худой, плохо одетый человек с длинными волосами, в плаще. Он был явно нетрезв.

— Это ещё кто? — пренебрежительно спросил Котов.

— Это поэт Жора Аггелов... Как всегда, пьян, — промолвил Булатов.

— Какое безобразие! — громко возмутился Верлада, блестя гневными глазами на Аггелова. — Позвать милицию и выволочь этого типа отсюда!

— Не надо! — громко сказал Георгий Алёшин. — Жора Аггелов — наш талисман!

— Он всегда ведет себя прилично, никогда не перебирает меру. Да и без него скучно, — добавил Булатов.

Жора Аггелов ещё пару раз воскликнул что-то непонятное и затерялся в толпе,

пошедшей по залам.

Когда мы подходили к тому месту, где была выставлена «Гера» Максима Ковалевича, Верлада догнал меня, взяв под руку, прошептал:

— А мы ведь с вами теперь соседи, дорогая Гера Леонидовна?

— Соседи? Что-то не пойму..., - удивилась я, улавливая какое-то коварство.

— Власти приняли решение — передать мне комнаты покойного Братуся, — улыбнулся хитроватой улыбкой Верлада. — И, кстати, вашу комнату тоже... Но вы не печальтесь, я вас не прогоню! Я уверен, что мы поладим, договоримся.

Я была неприятно шокирована. В это трудно было поверить! В один миг я лишилась дома! Жить в приживалках? Да ещё и с этим неприятным мне человеком в клетчатом пиджаке и в железных очках! Пусть он даже и отличный мастер своего дела, и хороший знакомый моего Максима! Нет, увольте!

Все эти горькие размышления и переживания отразились на моём лице, что Верлада несколько отпрянул. Я настолько была отвлечена, что даже не сразу сообразила, что Максим уже рассказал о картине и объявил, что модель находится здесь.

Все расступились и заплодировали, а Жора Агтелов подошёл и заикаясь сказал:

— Здорово! Я оч-чень рад! Вы т-так п-прекрасны!

Кто-то просил увести его, но я остановила и дала знак продолжать говорить. Я пристально смотрела на него, мне так хотелось помочь несчастному поэту, что под моим воздействием остатки алкоголя из него выветрились. Он всё чётче стал говорить, перестал заикаться.

— Р-работа выполнена в античных канонах и п-прославляет красоту... В нашем стремлении создать н-новое искусство, нам важно не выплеснуть ребёнка из к-купели. Мы должны помнить о пластике и образах греков...

Последние слова Жоры заглушил недовольный шум.

— Что он говорит?

— Вы прославляете фундаментальное старьё!

— Так мы с места не сдвинемся!

Жоре не дали сказать, отеснив его вглубь толпы.

И тут все горести и трудности последнего времени выплеснулись у меня разом.

— Да как вы смеете! Вы мните себя образованными и культурными людьми, а ведёте себя как невоспитанная толпа где-нибудь на рынке! — воскликнула я, теряя контроль над собой.

— Да она оправдывает язычество...

Я в отчаянии посмотрела на растерянного Максима.

Тот в исступлении крикнул:

— Да раскройте вы свои сердца и души! Может тогда вас тронет красота!

— Всё это уже устарело! Кому нужна ваша древность!

Я глянула на подошедшего Штенберга умоляюще.

И это сыграло свою роль.

Он поднял руку, и все затихли. Авторитет его был непререкаем.

— Товарищи, не забываем о той высокой оценке, которую дал древнегреческому искусству Маркс. В частности, он писал: «Почему детство человеческого общества там, где оно развилось всего прекраснее, не должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень?» И это святыя слова, товарищи, это руководство к действию! Мы

не говорим, что опираясь на прошлое, мы творим будущее. Мы утверждаем — опираясь на лучшее прошлое, мы создаём замечательное и великое будущее! Так что — принимаем с открытым сердцем!

Грянули аплодисменты.

Попросил слова писатель Алёшин:

— А мне нравится эта картина! Она отражает идеал женщины. Тот идеал — очаровательной и одновременной сильной женщины, который так нужен новому обществу. А без идеалов общество не построишь!

Слова писателя понравились, даже кто-то крикнул «браво!»

После аплодисментов Алёшину вся толпа двинулась дальше.

Торжественный ужин состоялся поздним вечером на даче Штенберга.

Зал заливал свет хрустальных люстр. Блестели инструменты музыкантов — был приглашён джаз — банд Александра Цфасмана, порадовавший джазовыми транскрипциями сочинений композиторов-классиков, блюзами и спиричуэлс. Тогда всё это было новым и воспринималось как нечто необычное и полузапретное.

Все ожидали приезда великого начальства. И оно прибыло — в виде серьёзного, с бледным лицом и плотно сжатыми губами товарища Барабанова. Он был в кителе, галифе, в кожаных коричневых крагах. Шёл под руку с женой, которая была известным искусствоведом и даже произнесла краткую речь.

За Барабановым катился его помощник — бесцветный кругленький мужчинка в костюме и шляпе, с большим кожаным портфелем в руке.

Когда все уже были за столом, прибыл и немного опоздавший гость — высокопоставленный работник ОГПУ Глеб Боков.

Его худощавое и аскетичное лицо с чуть удлинённым носом чем-то импонировало, резко выделяясь на фоне остальных лиц. Сразу стало понятно — то, что таится внутри этого необычного человека, не удастся узнать никому! Он был закрыт полностью, со всех сторон. Максим говорил о нём как о человеке интеллигентном, знатоке музыки и живописи, предельно честном, который отказывался от всех привилегий своего положения: дач, курортов, автомобиля и прочего.

При Бокове сидевшие сразу притихли. Не подав никому руки, магнетически блистая глазами, с лёгкой улыбкой на устах, Боков обводил внимательным взглядом присутствующих. На мне он остановился, на мгновение задержав взгляд, улыбнулся чуть сильнее.

Я поневоле наблюдала за ним. На вид это был очень скромный, вежливый и тихий человек. Боков не принимал участия в шумном застолье, просто внимательно слушал, крайне редко вставляя фразы, стараясь никому не мешать и не стеснять. Просто сидел, забросив ногу на ногу, пил вино да много курил, скручивая папиросы из какой-то жёлтой бумаги.

Героем вечера неожиданно стал поэт Жора Аггелов. По распоряжению Бокова его впустили и разрешили прочесть стихотворение. Внезапно Жора подошёл ко мне, немного стесняясь, взял за руку, ввёл в круг гостей и объявил, что сочинил это стихотворение и посвятил его мне — «блистательной и очаровательной богине».

У меня до сих пор хранится мятый листок из его блокнота со стихотворением, прочитанным в тот памятный вечер:

Не успели высохнуть слезы
Наших острых, нелепых обид,
Но любовь нашу верно хранит,
Тот обряд, что под именем Розы.

Лепестки кораблями застыли,
В озерце голубеет вода.
В наших пальцах янтарь и слюда,
И стихи, чтобы ссоры остыли.

В водной глади зеркально мерцает
Нагота наших искренних тел.
И кто верен из нас, а кто смел,
Скажут духи, что в небе летают.

Цепь тех духов волной замирает,
Над водою лучами блестит...
Ты в покое, и я не сердит,
Венцом роз духи нас награждают.

И слюда обернется в союз,
Янтарем светит ярко корона,
Ты, сияя, садишься у трона.
Вишни губ твоих пробую вкус.

И блистает корона на мне,
На тебе паутинкою платье.
Наши души закружат в объятиях,
Наши чувства пылают в огне!

И на ложе из диких цветов,
От любви мы получим награду.
Грудь твоя, словно гроздь винограда,
Мое тело — из крепких стволов...

И с улыбкою глядя нам вслед,
Нимфы оды нам пели лесные,
Богов древних глаза голубые
Нас хранили от страхов и бед.

И Жора широко улыбнулся.

Я пожала благодарно руку и поцеловала поэта в щёку. Тряс ему руку и Максим:
— Ну, Жорка, ну удивил!

Пока Максим был занят разговорами с коллегами, я вышла подышать в парк,

окружающий дачу.

Вечер выдался прохладный, с задувавшим ветром, который сыпал листьями, опадавшими на порыжелую траву. Как только я взялась за холодную мокрую ветку, чтобы сорвать красивый лист, как меня кто-то окликнул. Оказывается, на алее стоял и курил Михаил Булатов.

Он сжал мои руки, как бы приветствуя меня и сказал:

— Замёрзните. Вы таком в лёгком платье... Надо возвращаться.

— Да у меня голова гудит. Я уже устала от застолья, вообще, не очень всё это люблю. Если бы не Максим — давно бы ушла. Хочется поддержать его...

— Да, Максим Ковалевич — славный парень, один из немногих оставшихся независимых художников, — как-то тихо, будто себе под нос, произнёс писатель.

— А остальные что, уже не свободны? — удивилась я.

Булатов тяжело вздохнул, швырнул окурок в урну, поправил причёску и оглянулся. Аллея была пуста.

— Ну, будем откровенны и без церемоний. Большинство тех, кого вы видите, уже подписали договор, — сказал он чуть дрогнувшим голосом.

— Договор с кем?

— С Сублицким...

— Это один из заместителей комиссара? Но ведь есть же сам Барабанов...

— Барабанов ничего не решает. Ты получаешь зелёный свет, когда подписываешь договор с Сублицким, продаёшься новой власти. Да, милая Гера, это уже и не та власть, что пришла в семнадцатом. Происходит «тихий переворот». Предскажу, что тех, кто начинал революцию, вскоре вырежут всех, без остатка, либо же отодвинут на задворки... Те, кто хочет остаться у кормушки, у руля, жить и работать — подпишут договор. И их души будут у Сублицкого!

Зашумели деревья под ветром, и несколько листьев, кружась, упали на аллею.

— Хм, а Боков? Какой необычный человек. Его ведь не сломишь — в задумчивости произнесла я.

Булатов начал шарить в карманах, вынул новую папиросу и опять закурил. Затянувшись, кашлянув, он произнёс:

— Боков — осколок старого мира... Он даже не осколок, а остров! Он ещё из тех романтиков, кто застал бурю и делал бурю. Последний демон. Но мне, кажется, и его могут либо приручить, либо уничтожить.

— А кто же не подписал этот договор?

— Ну, Максим ещё держится. Я... Жора Аггелов... Алёшин... Ещё кто-то... Но что из этого выйдет?

— Боже мой, неужели всё это так обязательно? — недоумённо сказала я.

— Если хочешь нормально жить и работать — да! А не подпишешь — пробивайся сам!

Он подмигнул мне:

— Ну, ничего, пробьёмся! В следующем месяце — премьера моей пьесы в театре. Приглашаю вас, контромарочки будут.

Я поведала Булатову о том, что мою квартиру займёт Верлада.

Михаил шепнул на ухо:

— Не бойтесь, вам он ничего не сможет сделать! Будут трудности, не гнитесь перед ним, ничего не просите, а обращайтесь ко мне.

И он широко улыбнулся.

Громко стучат часы, неумолимо отмеряя время. Из бархатной темноты со стен светят глаза людей разных эпох и времён. Рядом в далёких мирах пребывает Максим.

Осеннее утро льётся белым серебром. Я потихоньку призываю к себе свет, втягивая его прозрачные и непрочные нити в комнату. Нити рвутся, но становится светлее, и, разорвав гряды тяжёлых туч, белое холодное солнце засверкало в облетевшем городе.

Я выскальзываю из комнаты, лечу сквозь коридор, двери и взмываю навстречу порывистому ветру. Он несёт листья, которые шелестящим дождём ласкают моё лицо. Я умываюсь свежим ветром, взлетаю вверх, к холодным и быстрым облакам, которые рваными островками несутся по небосводу.

Мне не хочется лететь домой, где живут чужие люди, моя комната пуста, но там ждёт меня мой ворон, я же не могу бросить друга...

Когда я возвращаюсь, немного встревоженный Максим уже ждёт меня на пороге, встречая радостной улыбкой. На мои руки садится важный и неугомонный мой питомец.

Я обнимаю Максима, и моя рука доверчиво забирается в его рукав. Мы шагаем, и его тепло переливается мне.

Спустя день мы заезжаем в бывшее моё жилище, теперь занятое чужими людьми, за вещами.

Правда моя комната не занята, но я не могу более в ней оставаться.

Комнаты, занимаемые Верладой сегодня открыты, в них полотёр до блеска натирал пол. Здесь видна дорогая мебель в холстинных чехлах.

— Степана Игнатьевича нет дома, — сообщил полотёр.

— Мы только заберём свои вещи...

Но может это и лучше, что Степан Верлада не видит наших сборов. У них с Максимом в последние дни слегка натянутые отношения.

Но, когда я вечером захожу ещё раз в этот дом, чтобы забрать то, что не успели, дверь моей комнаты открывается. Я оборачиваюсь со стуком в сердце.

На пороге застыл Степан Верлада собственной персоной, моргающий красноватыми, как у кролика, глазами.

После холодного приветствия с обеих сторон, он произносит:

— Гера, я хотел бы переговорить с вами.

И увлекает меня в свою комнату. Я до сих пор, спустя многие годы, чувствую клещи пальцев его руки. Он что-то долго говорит, и я не очень помню содержание его речи. Помнится, что он уговаривал меня остаться.

— Дорогая Гера, зачем вы съезжаете? Я думаю, мы могли бы стать добрыми соседями, друзьями. Мне кажется, мы могли бы найти много общего во взглядах на мир...

— Вы так думаете? Что же общего вы нашли? — иронично спрашиваю я.

— Ваши необыкновенные способности, помноженные на мой талант, дали бы великие всходы!

— Те же, что и посеянные Язоном зубы дракона?

— Ну, что вы говорите! Мы бы сделали много...хм... хорошего... в наших общих интересах! — рассудительно сказал он. — Никому никакого вреда! Никакого! О, как бы мы зажили! Представьте себе, какую карьеру можно сделать в этой стране!

Я нахмурила брови, переполненная возмущением.

— Пожалуйста — делайте карьеру! Но без меня! Тем более, что у вас есть для этого все способности, ваш необыкновенный талант архитектора...

Верлада развёл руками.

— Понимаю, вы не можете простить мне вселения на жилплощадь дорогого вам человека. Но он ведь уже покойный... Вдумайтесь! Сюда могли бы вселиться другие, чуждые вам по духу и культуре люди... А я, всё таки, ближе к вам... Мы с Максимом долгое время дружили...

— Но сейчас между вами нет ничего общего, Степан Игнатьевич.

То, что я назвала его по имени приободрило его.

— А вы знаете, что этот дом спроектировал и построил мой отец! Выдающийся архитектор! Я можно сказать вернулся к себе домой! Только раньше нам принадлежал весь дом!

Я в растерянности смотрю на него.

— Да, весь дом, Гера! Но я понимаю, сейчас другое время, другие люди... Ну, что же, значит так нужно...

— Ну и живите, я же не против, — пролепетала я.

Он хватает меня за руку. Его янтарные глаза горят.

— Гера, вы не даёте мне спать по ночам, вы преследуете меня! Это потому, что я люблю вас! Да, да, люблю!

Я вырываю руку:

— Опомнитесь, Степан Игнатьевич!

Он бухнулся передо мной на колени:

— Помогите, спасите! Станьте моею! Я ведь без вас погибну, любимая моя Гера! Я вас озолочу, вы будете жить, как королева!

— Что вы, Степан Игнатьевич, немедленно встаньте! — крикнула я в отчаянии.

Он охватил мой стан, уткнулся носом в живот и зарыдал.

Я отпихнула его и схватила свой узел.

Он подхватился и приблизился ко мне.

— Гера, подумайте, к кому вы уходите. Вы знаете, что Ковалевич женат? Что его жена живёт в Чернигове, а он с нею даже не разведён?

Это известие ударило меня как плетью!

— Это неправда! Вы просто наговариваете на Максима!

— Это правда! Он лжец! Он лжёт вам!

Я повернулась к нему спиной, чтобы взять вещи, и вдруг он грубо облапил меня, стал тискать, целовать в шею и щёки.

— Нет, ты будешь моей!

Но он не на ту напал!

Я ловко вывернулась из его объятий, и вскоре он хватал перед собою воздух!

Два шага — и я уже на балконе. Привычном путём ловко взобралась на крышу.

— Гера, постойте! Вы пожалеете об этом!

Он не видел, как я свечкою поднялась в чистое, ярко синее, очень высокое небо. Воздух был ломким, очень прозрачным.

Я поднималась всё выше, к многочисленным облакам, сквозь неплотную ткань которых лились потоки солнечного света, озаряя землю и крыши, словно гигантский фонарь.

Я поднималась всё выше, пока не стало трудно дышать.

Я чувствовала свободу и даже забыла о вещах, оставленных в комнате. Я парила среди быстрых облаков и долетела до грозных бастионов крепости, где и отдохнула. Только там я поняла, что душу мою гложет неутолимая печаль.

Максим долго утешал меня, и в его доме, полном картин и статуй, я была как в крепости. О том, что узнала от Верлады, я не говорила ни слова. Я просто жила яркой и волшебной жизнью, и видела, как мой Мастер работает над новым полотном, героиней которого снова была я.

Я встречалась с многими именитыми людьми, которые запросто захаживали в наш дом и которых я не могу назвать — не только из-за их известности, но и из-за того, что у меня не такая совершенная память.

Помню как-то нас посетил носатый и худощавый человек по фамилии Боков. Он долго смотрел на статуи и полотна, ближе познакомился со мной и очень сдержанно расспрашивал меня о житье-бытье. Когда я ему сказала о потерянном жилище, о проблеме с работой, он лишь бросил сдержанно, что Музы должны жить с художником, мастером, и всё происходит правильно!

Приходил старьёвщик — татарин в стёганом халате с мешком, который казался бездонным — столько он поглотил ненужных вещей!

Приходил Миша Булатов, как всегда, внесший своей весёлостью лёгкость и юмор в наш дом. С ним была милая женщина — его жена Вера.

Я долго любовалась свежим творением Максима. На полотне я стояла на морском берегу в белом платье и смотрела на бушующее море. Вдали проплывал парусник.

Картина была романтической и красивой, это отмечали все гости — друзья и знакомые.

В конце октября нас ждала премьера новой пьесы Булатова «Сны в восточном городе». Я тщательно готовилась — одела своё лучшее платье, завила волосы с помощью специальных щипцов, которые нагревались на огне.

Вечер выдался дождливым. Тёмно-серое небо низко нависало над городом. Фонари тускло сияли в бархатистых лужах, среди черной тяжёлой листвы.

Ложе и партер, ярко освещённые люстрами, были заполнены нетерпеливыми зрителями, ожидавшими важного действия. Шелестели разговоры. Имя Булатова произносилось с благоговением. Сам он сидел в ложе, несколько взволнованный, руки сжимали подлокотник кресла, а рядом с ним сидела и что-то говорила ему красивая женщина в вечернем платье.

Потом пополз шепоток «сам Сублицкий», и в ложе скользнула призрачная тень.

Звучат первые аккорды оркестра, поднимается занавес, и мы погружаемся в незабываемое представление о великой страшной войне, которая безжалостно перемалывает судьбы людей. Меня особенно взволновала горькая доля беззащитной и трогательной женщины, брошенной мужем на произвол судьбы и выживающей лишь благодаря заступничеству влюблённого в неё мужчины, а также судьба жестокого генерала, у которого, казалось, внутри выжжено всё хорошее и благородное. В общем, пьеса захватила нас и повела по своим дорогам одними ей ведомыми тропами.

Театр напряжённо дышал, переживая за героев.

Я глянула в ложу, где сидел Булатов — его лицо было напряжённым. И вдруг наши глаза на мгновение встретились, что было удивительно, учитывая темноту зала. Искренне я

пожелала драматургу спокойствия, выдержки и успеха и с радостью отметила, как он откинулся на спинку кресла с облегчением. Но спину мне сверлил ещё один взгляд. Оказалось, что немного выше сидел Степан Верлада.

В антракте я с неприязнью углядела Верладу. Он скользнул по нас с Максимом хищным взглядом и быстро устремился к стойке буфета.

Видела товарища Барабанова и чекиста Глеба Бокова, который едва кивнул мне. Позже он подошёл к Максиму и заговорил о том, что ждёт наших новых работ и осведомился о том, как нам спектакль.

— Очень, очень рискованный сюжет, — сказал Глеб Боков. — Так откровенно показывать белую гвардию...

— Но здесь главное — судьбы людей..., - произнёс Максим. — Да и к тому же показан крах белых, а это безусловно положительная сторона пьесы...

— Вот в этом, пожалуй, вы правы, — улыбнулся Боков и исчез, будто его поглотило пространство.

По окончании представления аплодисменты долго не смолкали, актёров вызывали на сцену и осыпали цветами.

Вернулись мы в дом далеко за полночь.

Глава 5. «Но, что тогда весь наш мир, если не тюрьма?»

На следующий день я не отказала себе в удовольствии полетать.

Немного потеплело, воздух был прозрачен, а высокое небо ярко — синим. Летая в васильковом небе, я любовалась золотым ковром земли.

Пролетая над лесом, я увидела на поляне одиноко стоящий старый дом и, покружив над крышей, опустилась у порога.

Солнце мягко грело, листья приятно шуршали под ногами. Дом был заброшен, рассохшаяся дверь была закрыта ржавым замком. Видно в нём давно никто не жил. Побродив по тропинкам, усыпанным ветками и листьями, я поднялась в воздух и полетела к городу.

Встретила в холле Люсю, нашу домработницу. Она, вытирая слёзы платком, сообщила, что в доме был обыск, и что Максим арестован и увезён неизвестно куда. О причине ареста она не знает.

Я сразу же заявила, что это какая-то нелепая ошибка, что во всём разберутся и к вечеру Максим будет дома.

Мы с Люсей навели в доме порядок.

Но вот подкрадывался вечер, а никаких известий не было.

Я ходила с угла в угол, глядела в окно на падающую листву. Неясная и глупая тревога усилилась.

Всё выпадало из рук. Я прислушивалась к топоту ног по тротуару, к скрипу двери, слышала, как падает, кружась, багряный лист, как дрожит паутинка.

Ночь прошла — немилосердно тягучая. Глупая луна таращилась в окно, и я неимоверными усилиями отводила от себя её лучи.

Следующим золотым и мертвенно-тихим днём я решила пойти в большой серый дом.

Трамвай скрипел и полз медленнее улитки.

Стояла очередь из людей с серыми и взволнованными лицами.

Сообщив об аресте Максима и о нависшем над ним, словно дамоклов меч, обвинении, сотрудник органов уставился на меня пустыми круглыми глазами.

Я вышла ошарашенная и долго не могла прийти в себя.

Ноги сами меня вынесли на набережную. Я села на бордюре и тупо смотрела на медленную реку, в которой отражалось торжественное небо.

Из телефонной будки я набрала квартиру Булатова. Он откликнулся сразу же, быстро уяснив для себя ситуацию, спросил о моём местонахождении.

— Гера, иди в парк, это рядом. Скамейка под фонарём. Скоро буду.

Когда мы встретились, Булатов был в сером макинтоше, серьёзен, его непокрытая голова, казалось, сливалась с голубыми небесами.

Выслушав мой горячий и взволнованный рассказ, он взял меня за руку:

— Да, дело сложное. Ну, что если другим путём узнать нельзя, то пустим в ход тяжёлую артиллерию.

— Сублицкий? — спросила я. — Ни в коем случае...

— Зачем? Для начала напишем официальное письмо наркому.

В тот же день мы отправили ходатайство наркому об освобождении художника и скульптора Ковалевича Максима Григорьевича, творчество которого очень важно для страны.

Но прошло два томительных дня — ответа не было.

Алёшин, стоявший с нами в парке за кружкой пива, посоветовал обратиться к Глебу Бокову.

— Это высокопоставленный сотрудник. Миша, он очень ценит и твоё творчество, и то, что делает Макс... У тебя есть к нему подходы.

— Да, он как-то оставил мне телефон по которому можно звонить лишь в крайнем случае. Надо его найти, где-то есть в моём блокноте. Не думал, что пригодится.

Был выходной день, раннее утро и звонить было в это время неудобно. Но Михаил Булатов всё же решился.

— Алло, барышня, милая, дайте мне пожалуйста...

И Булатов назвал номер.

Долго ждали с замиранием сердца.

Наконец на том конце взяли трубку, и сухой голос спросил:

— Что-то случилось, товарищ Булатов?

Мы удивились: откуда Боков мог знать, что звонил именно Булатов?

Михаил собрался с духом:

— Товарищ Боков, тут у нас беда. Арестован наш общий друг и коллега по цеху Ковалевич Максим. Вы его помните?

— Помню... Передайте трубку Гере, она ведь рядом? — попросил Боков.

Я взволнованно подошла к пыльному аппарату, трясущимися руками взяла чёрную тёплую трубку и, прокашлявшись, сказала:

— Да, я у аппарата. Здравствуйте, товарищ Боков.

— Как это случилось?

Я рассказала всё, что знала, сообщила и о своём визите в органы.

— Гера, я попытаюсь что-то узнать. А потом найду вас... Передайте трубку Булатову. Товарищ Булатов? По этому телефону больше не звоните...

И трубку положили.

К моему удивлению Булатов даже не изумился.

— Кажется, дело пошло... — промолвил он.

Когда вечером, попрощавшись с Булатовым, я подходила к дому Максима на Сиреновой, то сразу ощутила волну страха и не напрасно.

Из — за дерева возникла высокая фигура в чёрном плаще. В свете звезд, лившемся из рваных туч, я увидела блеск стёкол очков и мгновенно узнала Степана Верладу.

Хотела молча проществовать мимо, но он схватил меня за руку.

— Отпустите меня. Что вы хотите?

— Спасти вас! Гера, вам нельзя сейчас заходить в дом.

— Почему?

— Был новый обыск, и дом опечатан.

— Господи! А как же Люся?

— Она сегодня дневным поездом ухала в деревню. И птицу прихватила, чтобы не умерла, если вас арестуют. Я здесь, чтобы предупредить вас. Но, мы с вами подвергаемся опасности. Возможно за домом наблюдают!

— Откуда вы всё знаете?

— Тихо.

Он мягко закрыл мне ладошкой рот. Я стояла и глядела в его вулканические глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Выдержав паузу, он опустил руку и повлёк меня за собою в полуоблетевшие кусты.

— Послушайте... Сегодня приходили ко мне, и я давал показания о Максиме. Я старался не говорить о нём ничего плохого. Я вам предлагаю укрыться у меня. Вернитесь домой в свою комнату. Я гарантирую вам полнейшую неприкосновенность и деликатное отношение!

Он говорил так пламенно и искренне, что я поверила и послушно зашагала за ним.

В этот вечер Степан Верлада был предупредителен и любезен. Мы ужинали в ресторане, причём блюда я выбирала сама. Затем Степан вызвал таксомотор. Тяжело было возвращаться в тот дом, где жил мой опекун, где так многое напоминало о прежней прекрасной жизни.

В моей комнате уже был сделан ремонт и всё устроено для отдыха.

Степан предложил мне принять душ и пригласил отдохнуть.

— Гера, вы очень устали, выглядите измотанной. Отдохните.

Я глубоко спала почти до десяти утра — душевные переживания дали о себе знать!

Меня ждал накрытый стол — блюда подбирались по моему вкусу. Степан соблюдал дистанцию, был предупредителен, держал слово, и я немного смягчилась.

За завтраком он сказал:

— Поверьте, мне не хочется причинять вам зла. Жаль, что Максим в последнее время держал на меня обиду. Тут всё смешалось — ревность, зависть.... Да и я неправильно себя повёл по отношению к вам, за что искренне раскаиваюсь и прошу прощения.

Я помотала головой:

— Максим никогда не завидовал вам... Просто... вы должны оставить свои мысли о том, чтобы покорить меня. Поверьте, у вас нет никаких шансов.

Он улыбнулся, как мне показалось, горько:

— Я знаю. Но мне хотелось бы добиться хотя бы вашего дружеского расположения. Кстати, чтобы вы окончательно поверили мне, я скажу, что тоже справлялся о судьбе Максима. Его дело ведёт следователь Хвостов.

— Хвостов? Но Максим же не виновен! Какое дело? Как могут обвинять человека в несуществующих преступлениях?

— Поверьте, я ни минуты не сомневаюсь в невиновности Максима. Но нашли же они основания...

Медовые глаза Верлады воззрились на меня, загоревшись каким-то недобрый светом.

Несмотря на его возражения, я всё же покинула дом. Он пытался следовать за мной, но я категорически запретила ему это.

После подачи ходатайства я добилась встречи со следователем Хвостовым.

Меня принял полноватый человек в форме.

Его немигающие глаза долго смотрели на меня, как будто оценивали.

Говорил он звучным голосом, перебирая папки на столе:

— Вот вы утверждаете, что Ковалевич невиновен. Но откуда такая уверенность? Ведь познакомились вы с ним совсем недавно.

— Это так. Но даже за этот краткий срок я успела узнать Максима. Уверена, он не способен на предательство, — твёрдо сказала я.

— А вот собранные нами факты говорят о другом. Встречался он с иностранцами? Встречался.

— Да, но это были коллеги по цеху, интеллигенция...

Хвостов рассмеялся.

— Э, знаете, милая... Сколько агентов зарубежных разведок прячутся под личинами писателей или художников! Вы знали этих людей лично?

— Нет, слышала только из рассказов Максима. И слышала в основном положительное. Да, они носители чуждой западной культуры. Но Максим вовсе не попал под их пропаганду. Он даже осуждал их за... так называемое «чистое искусство».

— А вы были свидетелем разговоров Ковалевича с иностранцами?

— Нет.

— Так откуда же вам известно о чём они говорили!!!

Последние слова Хвостов выкрикнул, и ударил толстой ладонью по столу...

Его тон обескуражил меня.

— Как вы можете утверждать безапелляционно, что вербовки не было! — кричал Хвостов.

— Максим чистый и честный человек, — чётко произнесла я.

— Какая наивность! А взять его искусство... Это же проповедь буржуазных идей!

— Почему?

— Например, изображение богини Геры. Это же... проповедь язычества!

— Но это же абсурд! — громко сказала я. — Древнегреческая религия — часть мировой культуры!

— Не забываетесь!

Воцарилась тишина.

Хвостов вытер платком лоб.

В это время зазвонил один из телефонов.

— Да, да... Конечно... — кратко сказал в трубку Хвостов, положил её и поднял тяжёлый взгляд на меня.

— Вина Ковалевича доказана неопровержимыми уликами. Есть и показания его коллег.

— Каких коллег?

— Не имеет значения. Кроме того, он сам уже признал свою вину...

— Под вашим давлением... признаешь всё что угодно. Вы — мерзавец и негодяй! — в исступлении закричала я.

— Но, но не забываетесь! Я знаю...

Глаза Хвостова лихорадочно заблестели.

— Вы его так защищаете, потому что вы его сообщница. У нас появились данные...

— Никаких данных против меня у вас нет...

— Ошибаетесь... Вы не выйдите отсюда...

— Я свободный человек и пойду куда хочу, — крикнула я и встала.

— Нет! Уведомляю вас, Метаксас Гера Леонидовна, что вы задержаны.

— На каком основании?

— Вы подозреваетесь в пособничестве шпиону и «врагу народа».

Хвостов нажал на кнопку, и дверь отворилась.

Сквозь окно, разделённое на квадраты железной решёткой, просачивается винно-красный закат. Я лежу на жёстких нарах, придавленная тяжестью хмурых и серых стен. Сна нет — чувства обострены. Лязг дверей, шаги в коридоре отчётливо слышны, отдаются болью где-то внутри меня...

Ночь заполняет все углы, она кажется чёрной бездной, в которую проваливаешься безвозвратно. Я словно падаю в угольную яму, полностью лишённая сил.

Вдруг меня заставляет зажмуриться слепящий белый свет. Боль пронзает тело, в ушах застывает дьявольский крик «подъём!»

Сквозь чёрные коридоры меня, обессиленную, ведут к железным дверям.

В один миг на моих глазах оказалась повязка, закрывшая весь мир.

Запах ночи пронзает всё моё существо — пахнет прибитыми дождём листьями, железом, оружейным маслом и бензином.

Меня заталкивают в машину, и, качнувшись, мы отчаливаем в неизвестность.

Кашель, запах табака и сопение моих стражников — вот что сопровождает меня во время поездки.

Вот машина, тяжело задрожав, замерла. Открылась железная дверца, меня ведут по двору, пахнущему усохшими цветами и землёй.

Проводят по каким-то длинным коридорам — гремят железные, а затем и более мягкие, вероятно, деревянные двери. Запах здесь другой, совсем не тюремный, чувствуется цивильное помещение.

Когда наконец-то повязку было разрешено снять, я увидела большую комнату с секретаршей за пишущей машинкой. За окнами, мигая, лилась ночь.

Рядом стояла другая женщина с суровым и строгим лицом. У неё глаза были рыбы — навывкате. Она кивнула двум крепким конвоирам, и те удалились.

— Ступайте за мной, — велела она, и я пошла за ней, готовая к новым испытаниям. Страх и волнение прибавили мне сил, но говорить, спрашивать о чём-то, у меня не было мочи.

В помещении вспыхнул яркий свет. Комната имела вид гостиной. Яркие красные стены удачно сочетались с белым потолком и дверями. Интерьер комнаты излучал элегантность и утонченность: вверху — хрустальная люстра, слева большой серый шкаф, справа — такой же столик и уютные бордовые диванчики, на которых так хотелось прилечь. На стенах — картины, позволяющие оживить атмосферу и придать дизайну гармонию.

Моя сопровождающая открыла шкаф.

— Вы должны переодеться. Ваше платье измято и запылено. Мы приготовили для вас другое. Надеюсь, подойдёт. Берите его вместе с плечиками.

Я решила не задавать лишних вопросов, да и сама давно подумывала о приведении себя в порядок.

Самое большое облегчение мне принёс душ. Одета в новое, я покорно шла слабеющими ногами за моей цербершей.

Мы вернулись в комнату с секретаршей.

Спустя минут десять дверь, обитая кожей, отворилась, и меня жестом пригласили в кабинет очевидно какого-то крупного начальника.

Большая комната тонула в полумраке, создавая чувство тайного страха и некоей

беспомощности.

Поначалу я никого не увидела, поскольку свет падал так, чтобы освещённым был посетитель. Лицо же начальника скрывала тень.

— Подходите ближе и присаживайтесь, — прозвучал голос, в котором чувствовалось сдержанное приказание.

Я покорно, словно под гипнозом, уселась в кресло. Мне казалось, что напротив никого не было. Но вот от стены отделилась тень. Свет лампы в зелёном абажуре мягко обволакивал часть лица хозяина кабинета.

— Извините, Гера Леонидовна, что мы потревожили вас ночью, но, таковы обстоятельства. Кроме того, ночь существует для того, чтобы сказать то, что не сможешь повторить утром. Лучшие мысли приходят ночью.

— Ночью люди снимают маски дня, — произнесла я чуть иронично.

— Ночь наполнена тайной и магией темноты. И эту магию не стоит разрушать, — таков был ответ неизвестного.

— Вы вызвали меня, чтобы похвастаться своим знанием афоризмов?

— Вовсе нет. Просто, чтобы поговорить. Необходимо обсудить многое, важное для нас обоих.

— Серьёзный разговор может быть только на равных. А мы с вами изначально в неравном положении. Вы хозяин этого кабинета, я же лишь пленница.

— Но всё это лишь временно. И не это сейчас главное..., — нетерпеливо сказал хозяин кабинета.

— А что же вы считаете главным? Мне важно получить ответ на мучительный для меня вопрос: почему власть, декларирующая свободу и всестороннее развитие граждан нашей страны, так унизила меня? Отчего меня силой оторвали от моих любимых занятий, подвергли унижительным допросам и заключению?

— О, ну что для вас какие-то там временные трудности, утрата воли и свободы? Это лишь закалка духа! Как сказал Сенека: «Власть над собой — самая высшая власть, порабощенность своими страстями — самое страшное рабство». Вы же владеете собой отменно!

— Вам говорить легко, не сами же вы же страдали!

В ответ был резкий смех.

— Поверьте, страдал! И поболее вашего!

— Вы испытывали физические муки?

— Я страдал душою. А это — самое тяжкое страдание.

— Отчего же были ваши страдания?

— О, причин было много! Не знаю, с чего и начать... Самое страшное — от меня отвернулся отец. Я страдал от предательства друзей, близких...

— Да... Предать ближнего, всё равно, что продать себя...

— Как хорошо, что вы меня так быстро понимаете. А это потому, что сами пострадали именно благодаря предательству...

— Вот как? Кто же так подло меня предал?

— Не вас конкретно, а вашего возлюбленного, художника Максима Ковалевича. А страдаете вы! Ковалевич арестован по доносу. И донос написал его друг...

— Кто? — я даже привстала с кресла.

— О, это не имеет ровно никакого значения. Тем более, что это бывший друг. Стоит ли

говорить о низких и жалких душах?

Я вздохнула, перевела дух, успокаиваясь. Потом сказала, взглядываясь в неясную фигуру за столом:

— Наш разговор не будет продуктивным, если вы не назовёте себя.

— Моя фамилия Сублицкий, — быстро сказал хозяин кабинета. — Теперь, когда вы знаете, кто я, приступим?

— Я о вас слышала, — задумчиво произношу я, ворочаясь в кресле. По телу пробежал холодок.

— Это очень хорошо. И я думаю, что нам есть о чём поговорить.

— Я смогу выслушать вас, если вы выполните условие... — резко сказала я.

Но Сублицкий тут же перебил меня:

— Гера Леонидовна, я не думаю, что вы имеете право ставить здесь условия. Но, со своей стороны, я готов пообещать содействовать вам в ваших просьбах, если мы с вами договоримся, как люди разумные и конструктивные.

— А какие гарантии?

— Моё слово.

— Хм...Ну, и что вы хотите?

— Гера Леонидовна, нам хорошо известно, что вы обладаете чудесной способностью. Очень редким даром левитации. Причём, как мы выяснили, это не просто элевация — высокий прыжок, как в танце. Верю, что вы, как балерина, и им владеете в совершенстве. А то, что вы умеете — именно левитация — парение тела, преодоление земного притяжения...

«О других моих способностях он даже не заикнулся, значит не знает», — подумала я и тут же заявила решительно:

— Нет, вы ошибаетесь!

Он даже привстал, блеснула лысина и крючковатый нос, сгорбленная спина.

— Что?!

Я продолжила:

— Я не обладаю даром левитации. Я летаю!

— А разве это не одно и то же?

Я рассмеялась в ответ:

— Конечно же нет! Вас плохо информировали. Или консультировали. Левитация, это когда человек или предмет парит в пространстве, не касаясь поверхности земли. А я летаю как птица, отталкиваясь от воздуха.

Сублицкий снова встал.

— И сможете это сейчас продемонстрировать?

Я покачала головой.

— Увы, нет. Для этого нужно особое состояние души и... тела... Униженная и обессиленная я летать не могу.

Сублицкий помолчал.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Послушайте. Всё это поправимо, — заговорил он густым голосом. — Я хочу предложить вам сотрудничество. Вы — феномен, а такие нам нужны! Мы вас поместим в самые лучшие условия. Мы будем изучать вас, а вы будете работать на благо государства. Нуждаться вы ни в чём не будете. Питание, прогулки (но, конечно, под контролем), интеллектуальная и духовная жизнь — книги, концерты, театр...

— А зачем вам всё это нужно?

— Не мне. Вы должны потрудиться для страны. Ваш феномен будет тщательно изучен, разъят на составные части. Мы сможем научиться создавать таких вот летающих людей. Нам не будет страшен никакой враг! Мы сможем заставить подчиниться весь мир нам! Страна, где есть такие люди, не может не стать влиятельной!

— Вы ходите победы вашей идеи насильно...

В запале он перебил:

— Посмотрите, что сейчас происходит в Европе! Кризис, а за ним и новая глобальная война на пороге! Этому всему мы противопоставим влияние и могущество! Сейчас уже начато строительство в масштабах всей страны. Мы будем сильны индустриально! Мы создадим самую сильную в мире армию. И когда весь мир признает могущество и власть людей — птиц — он примет нашу идею, он будет у наших ног!

Я ухмыльнулась.

— Красиво, но старо! Очень сомнительно, что все эти идеи осуществлятся. Вы хотите разъять чудо, чтобы посмотреть, что внутри. Но вы лишь сломаете игрушку, как ребёнок...

Но Сублицкого видимо трудно было переубедить. Идея уже сидела в нём.

— И всё же, Гера Леонидовна, подумайте. Я вас не буду торопить. Торопливость в таком деле не нужна! Если надумаете и подпишите договор, начнёте сотрудничество с нами, можно будет подумать и об освобождении Максима Ковалевича.

— Вы хотите, чтобы он сменил одну тюрьму на другую?

— Хм... Но, что тогда весь наш мир, если не тюрьма, так, кажется, у Шекспира? Мы прикованы к земле цепями, мы пожираем близких нам существ, растения, потому что не можем без еды! Разве это не тюрьма? Изучение вас, как феномена — шаг к освобождению из этой тюрьмы. Если для этого вы желаете иметь при себе вдохновителем этого чудака-художника, почему нет?

Я молчала. От стола тянуло какой-то сыростью, могильным холодом...

Выдержав паузу, Сублицкий сказал:

— Вы молчите, значит вам нужно подумать, принять решение. Мы сделаем так: сейчас вы вернётесь в Красную комнату, отдохнёте, хорошенько подумаете. Потом вам принесут договор. Подпишите — и вы свободны. Вы наша!

Наверное, была нажата какая-то кнопка, потому что рядом со мною, словно тень, возникла моя сопровождающая, похожая на рыбу.

Я послушно зашагала за нею по ярко освещённым коридорам и вскоре оказалась в прежней уютной гостиной.

Села у стола в глубокое кресло — меня морило от усталости. На столе пресс — папье, украшенное бронзой, вечная ручка с пером «рондо», несколько чернилниц, чистилка для перьев.

— Я сейчас принесу договор и завтрак, — уныло произнесла женщина с рыбьими глазами.

Пока её не было я провалилась в призрачный сон. Сквозь шторы век видела, как женщина — рыба вошла с подносом, на котором стоял кофейник и тарелка с чем-то ещё.

— Поешьте, и вам станет легче. Вот текст договора.

Она положила на стол какую-то бумагу, больше похожую на пергамент.

Я устало и сухо поблагодарила и набросилась на еду — так соскучилась по нормальной пище.

Отодвинула поднос и потянулась к листу пергамента.

Буквы плясали, расплываясь, становясь то гибкими извилистыми змеями, то коварными драконами, с хищными пастьми и крыльями, то наливались кровью.

— Ничего не соображу, — пробормотала я и устало отложила лист.

— Вы можете прилечь, отдохнуть. Выспитесь, почитаете на свежую голову, — равнодушно сказала женщина — рыба. — Не буду вам мешать.

Она поднялась и вышла, закрыв бело-лазурную дверь.

Я с удовольствием вытянулась на мягком оранжевом диване, несколько раз уже проваливалась в сон, но потом вдруг подскочила.

Подошла к двери, подёргала ручку — меня заперли! Впрочем, этого следовало ожидать.

Я подошла к окну. За стёклами расцветало утро. Створки окна были на запорах и снаружи забраны решёткой.

Я легла на диванчик и последнее, что видела, это кнопка для вызова под столиком. Внутри меня всё расплылось, и я провалилась в сон.

Глава 6. «Я их простил, а прокляла она себя сама...»

Мне снился полёт над лесом. Летим мы вместе с Максимом, я чувствую его руку в своей. С высоты мы видим старый дом, снижаемся, вот мы у порога. Здесь сидит тёмный человек, опустив голову. Он поднимает её навстречу нам и меня передёргивает — у человека нет лица! Я вскрикиваю и пробуждаюсь!

Воспоминания хлынули полным потоком, тревога охватила тело. Что будет дальше?!

Мягкие лучи солнца гуляли в трубочках пыли.

Подхваченный непонятным ветерком (откуда ему тут взяться — в закрытом помещении), ко мне слетает лист пергамента. Скачут, выются змеями, наливаются кровью буквы — опять я не могу сосредоточиться!

Пренебрежительно отбросив договор, я прислушиваюсь, подхожу к двери. Стоит хрустальная тишина. Я прижимаюсь ухом к двери — не слышно даже шагов.

«Нет, это так дальше продолжаться не может. Нужно что-то делать, но что? Бежать? И не медлить — могут прийти. Но как? Всё заперто!»

Я опускаюсь в кресло и пытаюсь соображать.

Мой взгляд бежит по окнам, по красным стенам и картинам. Последние мертвы, но одна привлекает моё внимание. Я подхожу ближе.

На картине изображена площадь старого города, залитая дождём. Здание с острым шпилем, старинные дома под красными черепичными крышами. И в глубине — одинокая фигура в чёрном под зонтом.

Я пристально, до головокружения, вглядываюсь в полотно картины, втягивая в себя пространство.

Повеяло мягкой свежестью, на моё лицо упали дождевики. Под ногами пузырится вода — мелкий дождик залил мир. Сейчас промокну — нужно спастись!

Я зашагала к белому зданию с черепичной крышей, к тёмному провалу двери.

— Осторожнее! — прозвучал крик сквозь цокот копыт. Оказывается, я чуть не попала под карету!

Спрятавшись в здании, стояла, смотрела, как всё сильнее полосует косой дождик. Меня пробирала дрожь, было холодно, а я ведь легко одета!

Ясно было, что попала я в другое время. Это было похоже на мир прошлого века. Мне было легко оттого, что я бежала из своей тюрьмы, но сомнения терзали — что мне делать здесь, в этом мире? Нужно как-то вернуться в своё время, там Максим, там частичка моей жизни и души.

Сзади по лестнице спустился человек в форме и в плаще. Сверкнув на меня глазами прошёл мимо. Надо уходить!

Зашагала по пузырящимся лужам. Шла и сознавала, что на меня глазеют прохожие. Ещё бы — я шла в не совсем обычном одеянии. Так меня и здесь заподозрят в чём-то и задержат. Надо было что-то придумать.

Дождь начал ослабевать, пока совсем не утих.

Я шла по бульвару, пока не нашла одинокую лавчонку под деревом, за густыми влажными кустами.

Здесь было как-то теплей и уютней. Небо было покрыто плотным одеялом туч. Пахло

лужами, ветками и мокрой зеленью. Нужно было что-то придумать!

Я загляделась на женщину, фланировавшую мимо с офицером. Напрягла все свои силы, пронзая взглядом её одеяние и оглядывая своё, но преобразовать ничего не получалось.

Так я сидела и тряслась от холода, не решаясь выйти из своего укрытия, пока не приблизился вечер.

Моя голова опустилась, и я погрузилась в странный полусон.

Когда очнулась — на меня смотрели бесцветные глаза из-под нависших клочковатых бровей. Передо мною был пожилой, согбенный мужчина в обвисшей шляпе, одетый в старый, неуклюже заплатаанный костюм, с прилипшим травинками. Печальное лицо его с белыми бакенбардами было изрезано морщинами. Его брюки пузырились на коленях и были забрызганы, а башмаки носили следы прогулки за городом — к ним налипли грязь и увядшие листья.

Он жестом пригласил меня идти с ним.

— Вы что-то хотите? — спросила я.

Но он всё манил меня за собой, а потом просто взял за руку.

Пальцы его были с изломанными, почерневшими ногтями.

Заметив, что я трясусь от холода, он снял свою грубую, потёртую куртку, и, несмотря на моё сопротивление, набросил мне на плечи.

Спустя час мы уже шли под неярким вечерним солнцем, заливавшим тихую деревенскую улицу. Наверное, мы попали в один из пригородов — мирные домики, густые ветки деревьев, скрывающие дворы, собаки, гуси, голуби...

За всё время мой спутник шёл, слегка прихрамывая, и не произнес ни слова — вероятно он был немым. Только показывал знаками куда идти.

Лачуга старика глядела на улицу подслеповатым окошком. За калиткой лениво залаяла лохматая собака, такая же старая, как и её хозяин. Двор, со старым колодцем и сараем с покосившейся дверью, был завален всяким хламом. На верёвке сушились тяжёлые мокрые простыни.

Жестом старик пригласил меня в дом и затем притопнул на собаку.

Мне ничего не оставалось, как воспользоваться любезным приглашением немого хозяина. Вечер овладел миром и оставаться ночью в чужом городе было страшновато. Надо было дожидаться дня, а потом придумать, как выбираться из положения.

Домик состоял из сеней и трёх комнат, таких же неухоженных, как и двор, заваленных старыми вещами и тряпьем. В одной из комнат с низким закопченным потолком стояла старая печь.

Старик легко дотронулся до моего плеча, другой рукой показал на самовар, а затем на поленце у печки. Потом указал в сторону двери.

Я вышла во двор и, не обращая внимания на лохматую псину, рычавшую неподалёку, прошагала сквозь груды опавшей листвы к видневшейся в ранних сумерках поленнице у сарая, набрала в подол дров. Из-за обвисшей двери пахло животными. Я заглянула в глубину сарая, здесь шевелились и бегали в клетках красноглазые кролики.

Потом я вернулась в закопченную комнату, схожую со старинным склепом.

Вскоре в печурке затанцевал и запел огонь, согревая прохладное жилище.

Я стала чистить картошку, промывая её в котелке, бросая в кастрюлю, а старик просто сидел спиной к багровому пламени и с какой-то жадной теплотой наблюдал за мной. Неведомо как зашедший в комнату большой дымчатый кот, мурлыкнув, прыгнул на тощие

колени старика.

Нехитрый ужин позволил нам утолить голод.

Потом я тонко нарезала лучину, разожгла самовар и затеяла отличнейший чай из сушёного шиповника. На удивление, у старика, который казался бедняком, оказался в шкапу роскошный фарфоровый чайный сервиз.

Старик поел, но не собирался вставать из-за стола. Он сидел без шляпы — длинные седые волосы упали на плечи.

Он смотрел на меня и улыбался. На его впалых щеках даже появился румянец, в глазах горела радость.

Я немного смутилась от его взгляда.

— Я помою посуду, — сказала я, и он кивнул радостно, но тут же внезапная грусть омрачила его лик.

Набрав воды в колодце во дворе, я перемыла посуду. Вытерев насухо полотенцем, я разложила её в шкафчике.

Он сидел, по-прежнему наблюдая за мной.

Я взяла раскрытую книгу с пожелтевшими страницами с тумбочки на столе, и меня она удивила. Это было издание «Одиссеи» Гомера в переводе Жуковского.

— Вам почитать? — спросила я.

Он кивнул и уселся поудобнее в скрипучем кресле. Я стала читать старику, и мне казалось, что ночной ветер, воющий в трубе, напевает вслед за мною.

Все на суда собралися и, севши на лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные воды.
Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих правды циклопов.
К берегу близкому скоро пристав с кораблем, мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утесе пещеру,
Густо одетую лавром, просторную, где собирался
Мелкий во множестве скот...

Муж великанского роста в пещере той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя, он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надежных и самых отважных, пошел я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного мехом...

Спустя час я заметила, что мой слушатель клюёт носом.

Я посидела какое-то время, глядя на затухающий огонь, в углях которого роились странные образы. Затем положила книгу на стол, скрипнув стулом, и старик вздрогнул.

Быстро, не по годам он поднялся, взял меня за руку и отвёл в соседнюю комнату.

Здесь зажжена была тусклая лампа, висевшая на цепях, прикрепленных к потолочной

балке, и я увидела кровать за ширмой и много книг.

Он отворил шкаф и показал одежду. Старинную и явно не новую одежду, но такую тёплую и удобную в этом мире.

Когда я переоделась, старик постелил мне постель и, сгорбившись, ковыляя, поспешно удалился, махнув на прощание рукой. Оставив меня одну с моими мыслями и тревогами. Я тут же дала волю слезам.

На дворе заскрипело колодезное колесо, потом хлопнула дверь сарая. Наверное, старик ходил по хозяйству — в окне был виден луч его фонаря.

Я постепенно успокоилась, но сон не шёл ко мне. Просто лежала долгое время, крутилась на неудобном ложе (пружины давили в спину) и обдумывала своё положение. В темноте горели два жёлто-зелёных огонька — это на стуле лежал большой дымчатый кот хозяина, который неведомо как забрался в закрытую комнату.

Старик видимо давно уснул, а мысли всё не покидали меня.

От размышлений меня отвлек вой собаки. Она подвывала тихо и жалобно, поэтому я не могла успокоиться, сердце тревожно билось. Потом вдруг наступила тишина, только шелестел ветер.

Моё сердце продолжало колотиться, казалось, что выскочит из груди. Несмотря на то, что где-то за стеной спал старик, я себя чувствовала одной — одинёшенькой.

Ветер гремел в трубе, и вековые деревья гнулись и скрипели.

Послышалось тонкое постукивание в окно, как будто пальцами.

Я осторожно встала. За окном мелькнула тёмная тень и на мгновение заполонила собою окно. Я в ужасе отпрянула и... проснулась.

Утро было хмурое и сырое. Я вышла во двор — еле-еле шумели деревья, заросшие у подножий высоким папоротником. Колодезное колесо визжало, как старая скрипка. Вода была ледяная.

Часы пробили девять. Самовар вскипел, и старик разлил по чашкам кипяток.

После ароматного чая, глядя в лицо старику, я сказала:

— Я сейчас помогу вам, а потом уйду. Мне нужно идти, искать...

Он улыбался, но кивнул, как будто что-то понял из моей сумбурной речи.

Я нашла веник, тряпку, набрала в ведро воды. Принялась за работу и спустя полтора часа домик блистал. В клетках у кроликов было вычищено, им задан корм, получила свою порцию яств и лохматая собака.

Старик смотрел на мою возню, и глаза его светились счастьем.

Когда я закончила, он обнял меня, и я прижалась к его худому телу, вдыхая запах старой одежды. Его плечи сотрясались — чувствовалось, что он плакал.

Мне стало его безумно жаль, и я поцеловала его в дряблую щёку.

Его надтреснутый голос был для меня словно гром с ясного неба:

— Спаси... Спасибо вам, девушка... Спасибо за ваше внимание и любовь.

— Как? Вы... говорите? Вы можете говорить? — отстранилась я, изумлённо озирая его светящееся лицо.

Он кивнул седой головой.

— Теперь... Теперь говорю. Но я не говорил... тридцать лет!

И вдруг сзади раздался стук, как будто звук падающего тела. Старик охнул.

Я обернулась — у входа в комнату лежала красивая молодая женщина, скорее — богатая дама, так она была одета. Её шляпка слетела, обнажив тёмные, цвета воронова крыла, волосы, косу, заплетённую колечком.

Я бросилась к ней.

Общими усилиями мы перенесли её на диван. Старик подал воды, а я расстегнула воротничок, побрызгала холодной водой и похлопала по щекам. Лицо девушки мне показалось смутно знакомым. Но где же я его видела? Или она на кого-то похожа?

Старик склонился над нею:

— Господи, да это же С-софья, Сонечка!

Потом посмотрел на меня и объяснил:

— В-внучка м-моя. Как вышла замуж, так давно уж не приезжала. И вдруг — т-такая радость!

Софья пришла в себя, открыла глаза.

Она села повыше на кровати, мы подложили под спину подушку.

— Дедушка, прости меня. Я когда зашла и увидела, что ты беседуешь — ты, не говоривший всю мою сознательную жизнь, у меня просто помутилось в голове...

— Да я и не удивлён, Софьюшка, такой твоей р-реакции. А знаешь, это всё — заслуга моей г-гости, очень необычной госпожи... Она... она помогла мне преодолеть... все преграды и вновь з-заговорить! А вот как её зовут — до сих пор не знаю.

Я назвала своё имя.

Вскоре мы уже сидели за круглым столом, и Софья угощала теми вкусностями, которые по её велению прикупил по дороге слуга. Как выяснилось, старика звали Захаром Романовичем, и он действительно не говорил много лет, после страшного проклятия.

— Но кто вы? Откуда? Вы выглядите необычно и говорите как-то странно, — сказала Софья, оглядывая меня.

Тут вмешался Захар Романович, зашевелил бледными губами:

— Я шёл вчера с рынка, гляжу — какая-то необычная дама сидит и от холода страдает. Одета как-то бедно и не по — нашенскому. Жалко мне её стало, вижу — бесприютный человек, у которого в жизни что-то случилось. Н-никогда не подбирал нищих и бездомных, а тут, как будто что-то переключилось во мне, дай, думаю, позову. Вот она и помогла, согрела старика своей добротой!

И тут добавила Софья:

— А меня сегодня как будто что-то ударило, дедушка. Вдруг вспомнилось всё, подумалось, что давно уже не была у тебя, совсем забыла! Ведь раньше муж мне ездить запрещал, а сейчас нет дома его, по купеческим делам уехал. Вот я и решила тебя проведать, велела запрягать, а тут — такое чудо!

Софья говорила взахлёб, глаза её, бархатно-тёмные, блистали, она вытирала их платочком.

Я была вынуждена спросить напрямую:

— Как же получилось, что вы так долго молчали?

Захар Романович склонил седую голову:

— Ах, девочка моя, случилась беда! Я был проклят женою, которую любил когда-то, очень давно. Она оказалась тяжёлым человеком, можно сказать, пила с меня кровь, словно упырь. С каждым днём я угасал, забросил любимую науку. И когда я сделал шаг к разрыву и объявил о своём уходе, она закричала мне слова проклятия: «Пусть уста твои навеки закроет

каменная плита и ни одного слова ты не сможешь произнести! Будешь ты прозябать в бедности и одиночестве». С того я действительно замолчал, но всё же решился на уход. Когда я был на пороге и оглянулся на свою жену, наверное, что-то дрогнуло в её сердце, и она добавила, что если найдётся молодая женщина, которая согреет меня и моё жилище теплом и ласкою, то чары развеются.

— И как же вы жили после этого?

— Вот так и жил тридцать лет — совершенно один. Утратил работу, друзей. Сын забыл меня, приезжал редко и только внучка Сонечка иногда посещала моё скромное жилище. Потом я утратил и сына! Он был офицером и погиб на войне. Супруга его скончалась от горя. Соня вышла замуж за богатого купца Елисея Острожского, который равнодушно и холодно относился ко мне и запретил появляться в их доме.

— Он не разрешал и мне посещать дедушку. Да только я ездила украдкой. Приказывала поздно вечером запрягать карету и ехала. Мой слуга Ефрем никогда не выдавал меня, — добавила Софья.

Её лицо сияло добротой и счастьем, несмотря на общую печальную тему разговора.

Позже мы с Софьей приготовили хороший обед для старика.

Пока готовили, вели неторопливую беседу. Я постепенно высказала свои соображения по поводу Захара Романовича.

В ответ Софья сказала с искренним запалом:

— У меня уже собраны деньги. Я уговорю деда оставить эту лачугу и переселиться в более уютный домик на той же улице, где и наш дом.

— Кроме того, если он заговорил, и говорит всё лучше, то вероятно со временем сможет восстановить связи в научном мире, — предположила я.

— Да, вероятно! Я уже подумала и об этом. Ведь без науки он никто! Он в Географическом обществе трудился... А теперь есть возможность всё вернуть, всё — благодаря вам! Спасибо вам огромное! Бог наградит вас за вашу доброту!

Пока шёл разговор, я то и дело поглядывала на свою собеседницу и всё более убеждалась, что черты лица её мне хорошо знакомы. Она была очень похожа на девушку с той картины, которая висела в доме у Максима. Видимо она и была ею!

Выбрав момент, я осторожно спросила Соню, висят ли в её доме на стенах картины.

— О, да, конечно, и немало! И муж, и я любим украшать стены живописью! Но, Гера, почему вы спрашиваете?

— Мне очень нужно найти одну картину. Трудно объяснить зачем. Скажем так, она очень дорога и важна для меня. На ней изображено, ну что-то вроде... мастерской художника.

Соня на мгновение задумалась, прикусив губу. Потом воскликнула:

— Ну, конечно, есть такая! В моей спальне. Она так и называется: «В мастерской». А художник, кажется, Ковалевский. Да, по-моему, он поляк, но не слишком известный живописец. Но полотно его мне нравится!

Умоляюще глядя на Софью, я попросила:

— Мне очень хотелось бы взглянуть на эту картину. Это можно устроить?

Соня быстро согласилась:

— Конечно! Да хоть этим вечером. Поедемте ко мне. Муж мой вернётся только завтра. Так что, мы будем одни.

Ближе к вечеру мы управились со всеми делами. Накормленный и помытый Захар

Романович уснул.

Оставив записку, мы с Соней вышли со двора и сели в карету. За кучера сидел Ефрем — верный слуга Софьи. Пока ехали, я разглядывала город — типичный для прошлого века.

Было тепло, и солнце сверкало по лужам подсыхающей брусчатки. Грустный напев шарманки заставил обратить внимание на человека с ящиком на одной ноге. На плече у него сидела маленькая обезьянка.

— Погадаю на судьбу! — кричал шарманщик. Останавливались люди, и обезьянка вытаскивала из шёлкового мешочка лоскуты бумаги с записанной «судьбой».

Купец Острожский жил в белоснежном особняке, находящемся в дубовой рощице. Влюблённый в итальянскую архитектуру, он приказал сделать в подобном стиле фонтан, украсить римскими статуями дорогу к крыльцу.

По этой мокрой дорожке мы и прокатились, остановившись у входа. Дворник в картузе с седой окладистой бородой подметал листья и исподлобья внимательно посмотрел на нас.

Первым делом Софья угостила меня вкуснейшим чаем с пряниками, которые славно умела готовить её стряпуха Аграфена. Я нетерпеливо ожидала, когда же Софья покажет мне картину.

— А теперь прошу вас пожаловать в мои покои, — произнесла хозяйка.

Я вошла в её опочивальню. Она отличалась строгостью декоративного оформления и особым изяществом отделки. Вроде всё немного знакомо — большая кровать, зеркало, стол. Вот и известный мне кувшин!

На стенах виднелись картины. Даже при свете газовой лампы я не сразу нашла ту, что мне нужна, а как только увидела — сердце моё сжалось от волнения. Это была она — комната художника, а точнее, хорошо знакомая мне комната Максима в его доме, с картинами и статуями! Казалось он сам сейчас, подобно призраку, появится и войдёт. Картина была живая, я это сразу почувствовала, это было окно в другой мир, в будущий век!

Софья заняла привычное место — за столом, у кувшина, и жестом указала мне на стул:

— Присаживайтесь, Гера. Вам нравится?

Я обернулась к Софье со слезинками в глазах, взяла её за руку.

— Дорогая Сонечка, не удивляйтесь тому, что сейчас произойдёт, но поймите, у меня нет другого выхода. Я вынуждена вас покинуть! Но я постараюсь как —нибудь обязательно вернуться, навесить вас! Главное — не забывайте о своём дедушке!

Софья замерла изумлённо, слегка открыв рот, а я, повернувшись лицом к картине, уже втягивала её пространство в себя!

Последнее что я услышала, это было восклицание Софьи — «ангел!», и меня поглотила темнота Максимова дома.

Какое-то время я стояла, вслушиваясь в тишину. В темноте золотисто — тёмными островами застыли картины. В другой комнате едва слышно стучали ходики. Наощупь пошла к окну, постепенно осваиваясь в темноте.

Над залитыми мертвенным светом полуоблетевшими деревьями повис золотой диск луны.

Несмотря на почти звенящую тишину, я как будто чувствовала чьё-то присутствие.

Но вокруг — ни шороха! Опасаясь включать свет, я медленно пошла в кабинет Максима.

На пороге остановилась, прерывисто дыша. Проехал автомобиль, озарив на миг светом

фар комнату. На диванчике была видна тёмная фигура.

Я сделала шаг назад и услышала знакомый голос:

— Наконец-то! Я вас уже второй час жду... Вам нечего опасаться.

Передо мною встал высокий и худой человек. Яркий и неровный танцующий свет с улицы озарил его тревожные серые глаза. Впалые щёки блеснули сталью.

— Когда я узнал о вашем исчезновении, то подумал, что этот дом вы обязательно навестите. И, конечно же, ночью. Расчёт мой оказался верен.

Я узнала говорившего — это был Глеб Боков.

— Товарищ Б.... - начала говорить я, но он выставил вперед ладонь и сказал негромко уставшим, немного равнодушным голосом:

— Пойдите, не спешите... Не называйте моего имени... И свет включать не будем. Лучше слушайте меня и запоминайте. Надолго оставаться здесь нельзя. Дом нужно покинуть, иначе не успеете оглянуться, как снова окажетесь в подвале за железной решёткой... Что касается Максима Ковалевича. Освободить его сейчас невозможно. Но мне удалось посодействовать, чтобы его перевели в психиатрическую спецлечебницу... Не пугайтесь, в его положении это неплохой вариант. Что касается вас... Вам, конечно, пора сменить маскарад, ибо в этом одеянии вы напоминаете актрису, забывшую переодеться после спектакля... И ещё... Я дам вам адрес. Вы его запомните, и листик сразу уничтожите. Пойдёте по указанному адресу. Там вы найдёте Георгия Аггелова...

— Жору?

— Да. Этот безумный поэт спрячет вас. Инструкции он получил. Поможет деньгами. Не него никто не подумает... А дальше... — страна большая! Вам нужно спрятаться, затаиться среди людей и как можно скорее! На время забыть о ваших способностях. Или применять их лишь в крайнем случае! И пусть вам повезёт!

Я вздохнула.

Он протянул мне маленький листик тонкой бумаги.

...Когда я переделалась и вернулась к своему гостю, он молча стоял в темноте, и глядел на картину, освещённую луной.

— Да, плотно — будто окно в другой мир...

Затем махнул ладонью и повернулся, чтобы идти.

Я двинулась за ним.

Стояла холодная тёмно-серебристая ночь. Луна накрылась вуалью лёгких облаков. Сырой ветер бросал в лицо сорванную листву, осыпая порог и аллею.

Закрыв и опломбировав дверь, Боков простился со мной.

Напоследок я спросила этого загадочного человека:

— Но почему вы помогаете мне?

Он едва улыбнулся:

— Просто... Просто мне не хочется, чтобы вы, с вашими способностями, достались им.

Чёрный автомобиль, фыркнув двигателем, зашуршал по дороге, мигнув огоньками, скрылся за поворотом. Так я увидела Глеба Бокова последний раз в своей жизни.

Глава 7. «Я пришла за тобой»

Я шла по осенней улице, и мне почему-то было хорошо, как будто Боков обнадёжил меня, сказал что-то приятное. Да и ночь мне показалась чудесной. Ветер полетал между деревьями и утих. На тёмно-синем небе, среди холодных серебряных звёзд, засияла чистая луна, льющая потоки света на кусты и деревья, будто окуная их в белые озёра.

Я бодро шагала через это царствие света и тени. На нужную улочку я пробиралась чрезвычайно долго. Старалась избегать больших и широких улиц, где могли встретиться стражи порядка.

Лишь под утро, когда ледяной ветер снова стал дуть мне в лицо, развевая пряди волос, я, утомившаяся от бесконечных блужданий, нашла необходимое место.

Маленькие улочки с разбитой брусчаткой были по бокам уставлены небольшими домиками.

Подмерзало. Жора жил недалеко от церкви, двор которой был усыпан ржавыми листьями. Окружавшие деревья и сам храм, давно закрытый, утренняя заря окрасила в розовый цвет.

Жора снимал комнату в деревянном домишке, к счастью, имевшей отдельный вход со стороны переулка. Его зелёная дверь едва виднелась за палисадом. Отворив беззвучную калитку, я прошла по порыжевшей траве и постучала костяшками пальцев в дверь, спугнув кошку.

Жора открыл мне, прищуривая заспанные глаза, и сразу же развил бурную деятельность — поставил чайник, стал разогревать вчерашнюю картошку с луком и даже пробовал мне читать стихи за трапезой. Жестом я остановила неистовые порывы поэта. Я просто валилась с ног от усталости, глаза сами смыкались и, быстро сообразив, что необходимо, неутомимый поэт устроил меня на кровати.

«Действительно в такой глухомани нас никто не найдёт», — подумалось мне напоследок, и я провалилась в сон.

Разбудил меня рожок керосинщика, и Жора, извинившись, схватив жестяной бидон, помчался на улицу к железной бочке за керосином.

Вернулся запыхавшийся. Мы разговорились. Жора знал, в какую больницу перевели Максима и даже знал окна палаты, где он находился.

— Мне об этом рассказал этот чекист Боков. Окно палаты выходит в больничный сад. От угла — третье окно получается. На первом этаже. Но само окно забрано решёткой, да и вся больница под тщательной охраной. Пробраться будет трудно.

— Ему можно передавать пищу, тёплые вещи?

— Нет, насколько мне известно, передачи запрещены. Но письма и денежные переводы в небольших суммах разрешают. Можно послать посылку.

— Там строгие правила?

— Ну, конечно! Максиму там, наверное, несладко. Говорят, что заключённые в больнице не имеют права безнадзорно выходить в коридоры и в другие помещения. Да и переписка практически невозможна. Конечно, он может написать прошение, или даже личное письмо кому-нибудь, но дальше канцелярии больницы оно не дойдёт.

— Да, суровые нравы, — мрачно произнесла я.

— Но всё же лучше, чем тюрьма, — вздохнул Жора и тряхнул своими длинными волосами, рассыпавшимися по плечам.

— Ой, боюсь, как бы там его не залечили, не сломали его, — вздохнула я, нервно покачиваясь на стуле.

Жора сидел, теребя пуговицу.

— Ничего, Максим парень крепкий и нервы у него хорошие...

Я закивала, думая о своём.

— Вот что, Жора. Мне нужно будет уже этой ночью повидаться с Максимом. Дальнейшего ожидания я просто не выдержу. Жора, вы мне покажете всё это и сразу уйдёте. Всё остальное я сделаю сама. Нет, даже не возражайте. Поймите, вам «светиться» нельзя, да и ваша квартира в таком глухом районе ещё может пригодиться.

Я взяла его за руку:

— Не обижайтесь, мой милый помощник. Будьте хранителем этого дома. Всё остальное предоставьте мне.

Вечером ветер утих, и установилась сухая погода. Когда мы пошли к нашей цели, уже стоял спокойный и яркий закат.

В заброшенном скверике, на старой лавочке среди кустарника, мы дождались темноты.

Психиатрическая лечебница специализированного типа находилась в старом дореволюционном грязно-жёлтом здании с облупленными стенами.

У железных ворот стоял пост охраны. По углам территории стояли вышки, и над стеной была натянута колючая проволока.

Мы подкрались близко к забору и забрались на высокое раскидистое дерево. За себя я не так переживала, больше за Жору, как бы он не свалился.

— Вот, видите угол здания. А вот третье окно от угла. Там Максим! Попробуем перелезть через стену. У меня и кусачки есть проволоку перерезать, — шептал Жора.

Я тихо сказала в ответ:

— Жора, дорогой, вам дальше нельзя. Спасибо за всё! Слезайте вниз и уходите. Остальное — я сама!

— Но как же? Оставить вас одну? Это так опасно!

— Жора, не спорьте... Я вас очень прошу... Мы же договорились! Ваша задача — беречь квартиру...

Я чуть строговато посмотрела на поэта.

Внушение возымело действие: Жора нехотя слез с дерева, помахал рукой, перешёл дорогу и пропал в сумерках.

Оставшись одна, я постепенно осваивалась в темноте. Мне стало немного жутко, и я уже пожалела, что упростила уйти Жору Аггелова.

Наконец-то, хорошенько изучив обстановку, отметив маячившие в полутьме две ближайшие вышки с часовыми, я попробовала шагнуть с ветки в воздух и совершить свой полёт к заветному окну в стене. Где-то далеко лаяли собаки, да ветерок шевелил и ронял шафранную листву.

Окно светилось ровным и тусклым серебристым светом. Я быстро опустилась за куст, росший у подножия деревца у самого окна.

Осторожно заглянула в окно. Тяжёлая витая решётка надёжно закрывала его,

отбрасывая на землю узорчатую тень.

Люди в белом ходили по палате, кто-то сидел на койке. Очевидно, это был Максим, но я не узнавала его. Меня одолевали сомнения! А вдруг Жора Аггелов ошибся? Или совершили ошибку люди Глеба Бокова, передавшие сведения? Или Максима просто перевели в другую палату?

Вглядевшись в человека, сидевшего на кровати, я всё же признала Максима! Он сильно изменился, и больничная одежда комком висела на его худом теле.

Лицо было давно небритым и измождённым. Когда люди в белых халатах, уходя, погасили свет, я, выждав какое-то время, просунула ладонь сквозь решётку и постучала костяшками пальцев по стеклу. Реакции не было, и я повторила свой опыт уже погромче, при этом боясь привлечь внимание охраны.

Что-то скрипнуло, в тёмном окне показалось узкое лицо, и я зашептала имя своего возлюбленного.

Он никак не мог разглядеть меня. Что-то треснуло — это с трудом подалось окно, открылось внутрь комнаты, и я услышала голос:

— Кто здесь?

— Максим, дорогой, это я, Гера. Я пришла за тобой.

— Гера? Господи, что я слышу... Неужели ты? Спасибо, господи, ты услышал мои молитвы и дал возможность увидеть её ещё раз перед смертью...

Голос его был тонким, с придыханием, чувствовалось, Максим был сломлен.

Я горячо зашептала:

— Максим, это действительно я! Я пришла освободить тебя!

Он как будто поверил:

— Это какое-то чудо! Гера, это действительно ты, а не твой фантом?

— Нет, нет, я не призрак и не сон... Вот, возьми мою руку!

Он зашептал:

— Горячая рука! Это ты, Герочка! Любимая, но как же мы одолеем эту решётку? Сломать её невозможно!

Он подёргал стальную решётку.

— У тебя есть напильник? — шёпотом спросил он.

— Сейчас что-то придумаем...

Именно в этот момент окно на третьем этаже отворилось. Чьи-то глаза напряжённо всматривались в темноту, и я замерла, приложив палец к устам.

— Максим, ничего не говори, сиди тихо. Кажется, нас услышали. Замри.

И сама присела под сенью куста.

Вскоре полетел вниз, словно светящийся жук, окурок, и окно захлопнулось.

— Максим. Сиди тихо и жди. Я должна сконцентрироваться, и что-то попробовать сделать.

Он послушно сел в ожидании под открытым окном.

Я направила всю свою волю на решётку.

Кого она мне напоминала? Что есть в природе общего? Более всего мне припоминались лианы...

И, пред моим взором, возник каламус, род тропических лазающих лиан семейства, более известного под названием ротанговая пальма. Из крепких стеблей ползли листья, на жилках которых шипы с загнутым назад острием.

Теперь решётка действительно казалось толстыми стеблями ротанга! Вынув нож, я принялась резать, кромсать толстые стебли и листья. Максим принялся помогать мне, рвал стебли голыми руками, исколов их. Воля к свободе была сильнее этой преграды и, казалось, спустя вечность, он всё же вылез из окна и мягко спрыгнул на землю.

Наши горячие объятия и поцелуи были прерваны какой-то внутренней тревогой.

— Стой, — промолвила я. — Замри!

Энергетика моя сейчас была столь сильна, что я чувствовала сквозь стену движение тела по коридору. Тела другого человека. Я явственно видела в своём воображении, что это был крепкий санитар. Впрочем, под белым халатом можно было разглядеть военный китель. У самой двери он остановился, прислушиваясь.

Он стоял под лампой, и, казалось, сейчас шагнёт внутрь! Я видела пылинки, кружащиеся под светом лампочки и представила их в виде страшных и злющих ос. В следующий миг он уже нёсся по коридору от жалящего роя, а я, схватив Максима за руку, помчалась с ним в темноту вдоль здания.

За поворотом, на дорожке, мы наткнулись на человека в халате и с ведром. Сбитое на ходу ведро покатило в кусты, а мы помчались дальше.

— Стой!

Человек бросился за нами, на ходу рванул кобуру под халатом.

Он опять потребовал остановиться, угрожая стрелять на поражение!

Мы были вынуждены замереть на месте.

Человек в халате подошёл близко, направив револьвер практически мне в лицо.

И вдруг тело Максима дёрнулось, взметнулась его худая рука. Удар костистого кулака опрокинул нашего преследователя. Падая, тот всё же нажал на спуск. Раздался выстрел!

Спустя минуту всё вокруг зашумело, завывала сирена. На вышке включили прожектор.

— Бежим! — крикнула я Максиму, увлекая его в глубину ночной тени.

По дорожке и через клумбы уже мчались люди в форме, что-то крича.

Мы остановились, так как бежать было уже некуда. Я крепко обняла Максима, вбирая его тело в себя, передавая ему всю энергию, какую могла...

В следующее мгновение мы уже были в воздухе и висели над садом, а внизу столпившиеся охранники со страхом, смешанным с изумлением, глазели на нас.

Мы поднимались ввысь, к звёздам! Щёлкали, как кнут, пули, но они уже не могли нас достать!

Словно демоны мы понеслись по ночному небу среди облаков и крупных созвездий.

Сутки мы с Максимом прятались в заброшенном лесном доме, который я нашла во время одного из своих путешествий.

В доме было пыльно и тихо, дрожала в углах густая паутина, и со временем мы немного привели в порядок комнаты. К счастью, рядом с домом протекал ручей, так что водой мы были обеспечены. Удалось запустить также старые ходики, молчавшие много лет, и дом наконец-то получил более-менее жилой вид.

Первую ночь мы едва уместались на старой разломанной кровати, на куче найденного тряпья.

Максим трудно отходил от заключения в спецбольнице, сначала больше лежал, но потом упорно вставал на ноги. Несмотря на своё тяжёлое состояние, он был рад спасению, а

особенно гордился тем обстоятельством, что в экстремальных условиях смог полететь!

Но дальше так продолжаться не могло. Хотя стоявшая вокруг золотой стеной осень и была достаточно тёплой, ночью мы всё же страдали от пронизывающего холода. Сквозь разбитые стёкла окон свистел ветер.

Днём сидели на разохшемся крыльце, на солнышке, но оно согревало слабо. Старая изразцовая печь в доме давала лишь дым.

Всё это подтолкнуло меня к визиту в город. Нужно было пробраться к Жоре Аггелову, добыть еду, тёплую одежду, обсудить вопрос о документах. А возможно и перебазироваться к нему в дом. Бежать оказалось сложно, но выжить, постоянно прячась, ещё сложнее. У нас были мысли поехать на одну из строек большой страны и затеряться среди простого трудового люда. Тогда многих выходцев из сёл и маленьких городков брали разнорабочими.

Я попала в район, где жил Жора, лишь под вечер. Птицей промелькнула над улицей, опустилась за старой яблоней, а потом постучала в окно условным стуком. Но в квартире никто не отвечал, окна не светились.

Я решила немного подождать и села на старую табуретку.

По улице ходил и кричал лудильщик. Заглянув во двор, он прокричал «Лужу! Паяю!». От этого крика мне стало как-то беспринято и страшно.

Лишь когда на небе щедро рассыпалась бриллиантовая пыль звёзд, отворилась калитка, и появился Жора.

Поэт был явно подшофе, но узнал меня и горячо обнял. Он давно ждал от нас вестей. Жора виделся с Боковым, и чекист был недоволен тем, что мы наделали столько шума. По его словам, нас везде ищут, и появляться в городе сейчас опасно. Он обещал помочь с документами.

Спрашивали о нас и Булатов с Алёшиным, но Жора молчал. Для всех близких и знакомых наша судьба оставалась неизвестной.

Жора приготовил для нас необходимую одежду и питание, которое состояло из сухарей, консервов, а также свежих блюд с фабрики — кухни. Всё это было уложено в большой мешок, который я среди ночи с трудом переправила в лесной дом.

Также Жора Аггелов посоветовал, как лучше и правильнее разжечь печь — в этом деле он был большой специалист.

С помощью правильной расстановки дров, бересты, лучины и бумаги удалось заставить печь запылать, и комната в старом доме хорошо прогрелась. Уже ночью мы с Максимом сидели, глядя на стреляющие поленья, на чудные картины багрово-синего пламени и наслаждались теплом.

На следующий день возле нашего дома появился человек.

Мы слышали его шаги вокруг дома. Он толкнул подпёртую изнутри дверь, но дальше ломиться не решился.

В щёлку я его видела. Это был крепкий бородатый мужчина с ружьём в руке. Задев плечом ветки, стряхнув дождь листвы, он исчез между деревьев. Максим предположил, что это лесник.

— Дальше оставаться в доме нельзя, — решительно сказал Максим. — Я уже вполне окреп и могу этим вечером пробраться в город за документами. Возможно, они уже готовы... Где живёт Жора, я приблизительно представляю...

— Нет, Максим, пойду я. Если меня поймут, то посадят в позолоченную клетку для экспериментов, тебя же ждёт смерть.

Мы немного поспорили, но решили пока подождать с решением вопроса.

Оставив Максима готовить обед, я походила по окрестностям в поисках дров.

Когда, с немалыми усилиями, шелестя опавшей листвой, я волокла большую, сломанную бурей ветку, кто-то пересёк тропинку и встал на моём пути.

Я ахнула! Передо мною в куртке и сапогах с крагами стоял Степан Верлада.

Я стояла, онемевшая, бросив ветку, не в силах произнести ни слова, а он неторопливо заговорил:

— Здравствуйте, Гера! Не пугайтесь... Вам, конечно, будет интересно, как мне удалось вас выследить. Помните лудильщика? А этот заброшенный дом в лесу мне известен, я ведь заядлый охотник! Да и лесник подтвердил, что в доме кто-то поселился. Но, это не так важно!

Его глаза блестели, он стоял, отмахиваясь веточкой от насекомых.

— Что вы хотите? — спросила я чужим, сдавленным голосом. — Добить нас? Вам мало совершённых предательств?

— Каких? — быстро спросил он.

— Это ведь вы писали доносы! Сначала на профессора Братуся, а потом на Максима Ковалевича...

— Вы не во всём правы, — перебил он. — К доносу на Братуся я не причастен. Что касается Ковалевича... Я не хотел такого поворота событий! Если бы вы заглянули в мои показания, то убедились бы, что в них нет ни слова о каком-то шпионаже. Я просто намеревался добиться закрытия очередной выставки, хотел лишить Максима работы... Думал, что вы бросите его и переедете ко мне... А вышло...

— А вышло так, что вы сломали нам жизнь... Я гляжу на вас, и мне всё становится понятно! Да вы просто завидовали ему! Завидовали его популярности! Вы хотели меня заполучить? Ничего у вас не выйдет! Уйдите с дороги!

И подхватив тяжёлую ветку, я двинулась вперёд.

А он схватил меня за локоть.

— Гера, погодите.

— Уйди Иуда! Отпусти меня!

— Гера, послушай, что я предлагаю... У меня есть надёжные друзья, они сделают любые документы. Максим уедет далеко, я обеспечу его будущее. А вас я смогу спрятать в одном из южных городов. У меня есть там родственники. Никто не догадается кто вы... Таким образом, мы всё исправим!

Но я, одним движением сбросив его руку, продолжала упрямо идти вперёд.

Он что-то говорил ещё, запальчиво и горячо, но я не слушала его.

Далее был страшный момент, до сих пор видимый в моих снах!

Мы выходим из леса на поляну. На пороге дома сидит Максим. Он поворачивает голову и медленно поднимается. Я бросаю у порога ветку, мы подходим ближе, но я замечаю, что изумлённые глаза Максима смотрят вверх наших со Степаном голов!

Оборачиваюсь и вижу цепочку вооружённых людей, идущих из чащи к дому.

— Максим беги! — моя глотка исторгает вопль.

— Кто это? — кричит изумлённый Верлада, оглядываясь. А потом смотрит мне в глаза: — Это не я, Гера! Я не виноват! Я не предатель!

В то же мгновение раздались выстрелы, и тело Степана закрывает собою Максима. На спине Верлады появляются тёмные точки, по куртке струится тёмная кровь.

Я кричу что есть мочи. И в этот момент Максим, оттолкнув от себя Степана, возносится в синий воздух.

Сначала тяжело, неуклюже, а затем всё увереннее он улетает к лазурным облакам.

Вслед ему хлопают беспорядочные выстрелы. Дальнейшее я не помню — на меня навалилась чёрная и липкая темнота.

Часть вторая. 1943 год и другие. Глава 8. «Не смогла уничтожить чувство свободы»

У меня теснило в груди и очень болело в боку от долгого бега. Горло резало, точно бритвой — надыхалась холодного воздуха. Силы были на исходе. Остановилась, тяжело дыша, поправила платок. Ноги в тяжёлых валенках были по колени в сугробе. Щёки пощипывал мороз, и не верилось, что уже на календаре весна. Снег мерцал, светясь, как грудa бриллиантов.

Вокруг меня на множество километров протянулся заснеженный лес. Солнце, как хрусталь, переливалось на ветках елей. Время от времени лёгким шорохом с дерева в сугроб падал ком снега, и снова наступала бело-синяя, искрящаяся под холодным красным солнцем, тишина.

Ничто, казалось, не нарушало покой лесных великанов, лишь где-то птица пролетит, постучит дятел, белка сбросит снег, и он сыпется холодным порошком, да поскрипывают под ногою кристаллы снежинок.

Я увидела пень от поваленного дерева, добрела до него, рукавом сбросила его снежную шапку, и присела отдохнуть. Сняла рукавицу, набрала горсть снега, пожевала его, вытерла им раскрасневшееся лицо.

Поневоле залюбовалась зимним пейзажем: дремлющими в пышных шубах старыми дубами, горящими красными бусами рябины, ветвями берёз, висевшими хрустальными люстрами, уснувшими малахитовыми лапами елей. Вспомнилось, какой поэтичной натурой я была много лет назад! Куда всё это ушло — безвозвратно, неотвратимо.

Лёгкий далёкий шум, голоса, да лай собак, заставили меня подхватиться и бежать дальше. И, споткнувшись на бегу, зарылась лицом в снег. Поднялась, ошарашенная, с красными глазами, побежала дальше!

Это был мой второй побег из лагеря, или точнее, из «шарашки», но всё равно из неволи, какая разница... Но, вполне возможно, что во второй раз не помилуют, и одним только карцером, в который меня кинули по приказу полковника Обезьяны, уже не отделаешься.

Лесная чаща внезапно обрывалась. Покрытая снегом луговина спускалась к закованной льдом реке.

Теперь я была на виду — отличная мишень для стрельбы! И, как по заказу, сзади грохнул выстрел, осыпавший снег, послышались крики.

Но я уже неслась вниз, к реке, ломая холодные снежные кусты.

По моим пятам мчались два грозных и лохматых зверя — специально обученные овчарки полковника Обезьяны, от которых нет спасения!

У самого берега собачищи настигли меня, да только зубы щёлкнули... Я, не летавшая уже более десятка лет, вдруг отделилась от белой земли! И чувство радости и гордости от полёта охватило меня!

Я летела над рекой, над лесом и кричала от радости! Вдогонку мне летели проклятия, ругань, да ещё и того похуже — звонкие, жалящие пули. Одна из них впиалась в мой тёмно-зелёный бушлат, да лишь слегка оцарапала тело, но не смогла уничтожить чувство свободы.

Земля подо мною казалась белым полотном реки с островками — домиками. Начинался какой-то город. Становилось холодно, чувствовалась изнуряющая усталость.

Местность была холмистой, изрезанной оврагами, над которыми горбились пригородные дома, белела церковь. Покружив в сумерках над белоснежной колокольней, ухотившей ввысь на более чем стометровую высоту, я снизилась и встала на твёрдый снежный наст на одной из пустынных улиц.

Какое-то время приходила в себя и разминалась после долгого непривычного полёта.

Послышался удар копыт по мёрзлой земле — мимо просипели железными полозьями сани с бородатым мужиком, который окинул меня удивлённым взглядом и поздоровался. Сообразив, что в небольших населённых пунктах есть традиция здороваться со всеми, я ответила на его приветствие.

Прошла мимо длинного жёлтого административного здания с большим плакатом: «Граждане города Изумрудные Росы! Все на защиту Отечества!»

Так я узнала, в каком городе нахожусь.

Далее были рассыпаны низенькие деревянные домики с заснеженными садами. Кое-где уже горели керосиновые фонари.

Один из домов на окраине мне понравился — крепкий, каменный, достаточно большой, будет, где переночевать. Хибарки и маленькие домишки я обходила.

Во дворе было развешено бельё, полоскавшееся под ветром.

Пустил меня в дом сам хозяин — большого роста человек с длинной бородой с дымящейся самокруткой в руке. Звали его Прокофием Фёдоровичем.

— Ну, заходи, коль пришла. На одну ночь — чего же не приютить человека? Располагайся, грейся.

Я попросила горячей воды, йод, бинт.

— А что случилось? — спросил он, сурово сдвинув брови.

— Да в темноте споткнулась у забора, напоролась на гвоздь.

Прокофий Фёдорович позвал свою жену Марфу — серенькую женщину в косынке с оспинками на лице, велел сбегать к соседям за бинтом.

В комнате, которую мне отвели для отдыха, я осмотрела рану, закрытую пропитавшимся кровью платочком. Она была неглубока, пуля лишь слегка зацепила меня.

Я прилегла на железную кровать. Окинула взглядом комнату: пузатый комод с массивными ручками и с приклеенными картинками, вырезанными из журнала, круглый стол с керосиновой лампой, семейные фотографии на стенах, часы с кукушкой, вата между оконными рамами.

Меня позвали отужинать «чем бог послал». За столом собрались: сам хозяин дома Прокофий Фёдорович, его робкая супруга Марфа, сын Прохор — кудрявый блондин со значком ГТО на рубашке (по профессии железнодорожник) и беременная невестка. По традиции больше молчали, перебрасываясь лишь редкими малозначительными фразами.

Наконец-то, в общем молчании прозвучал вопрос Марфы:

— Куда же ты милая путь держишь?

— Я сама из небольшого городка (я назвала наугад один из местных городов). Вот ездила к мужу, он на лесозаготовки принарядился работать, а сейчас домой возвращаюсь. Мне бы только до утра побыть...

— А почему он не на фронте? — спросил Прокофий Фёдорович.

— Да из-за зрения не взяли на фронт. Плохо видит он у меня.

Последовало ещё несколько вопросов о заработной плате и быте на заготовках.

Сын встал, поблагодарил за еду, кивнув отцу, куда-то вышел.

Невестка укоризненно смотрела на меня, и не понятно было, то ли она чем-то недовольна, то ли хочет что-то посоветовать.

У меня слипались глаза, и я была рада, когда осталась одна в своей комнате. За окном падал лёгкий и тихий снег. Железная печка давала тепло, было уютно и хорошо.

Потушив керосиновую лампу, я легла в постель.

Жильцы ещё долго ходили по дому, хозяин кашлял, стучали и скрипели двери, цокали часы. Всё это слилось и перемешалось — я погрузилась сон. Для меня он был радостным — опять полёт над снежным миром — то, что мне не снилось уже много лет, с тех пор как я жила в неволе в этой комфортабельной тюрьме — «шарашке», где такие — же несвободные учёные — зеки изучали меня, ставили на мне эксперименты, всячески пытаюсь разгадать мой феномен. А, на мой взгляд, как раз никакого феномена — то и не было!

...Я проснулась в тревоге, резко сев на скрипучей кровати. За оконной занавеской серело утро, больше похожее на сумерки.

Хозяева были уже на ногах, ходили по дому, звенели ведром во дворе, задавали корм домашней скотине.

Утром хозяйского сына я не увидела — он уехал на работу. Его беременная жена лежала в своей комнате, у неё было недомогание.

Завтракали картошкой с крупной солью, рыбой. Когда пили чай, слышался стук копыт. Кто-то въехал во двор, привязал лошадь к дереву.

Прокофий Фёдорович с Марфой переглянулись.

Тяжело и уверенно стучали чьи-то сапоги, поскрипывая досками порога, звенели шпоры.

В дом вошёл высокий и стройный человек средних лет в милицейской шинели и фуражке (несмотря на морозец) с гладко выбритым лицом и внимательным взглядом стальных глаз.

— Так-с... Всем доброе утро!

Повесил фуражку на крюк, поправил назад волосы, подсел к столу.

— Я на минуту, поэтому раздеваться не буду, — сказал он.

— Вадим Алексеевич, налить тебе? — предложил Прокофий Фёдорович.

— Не, я на службе, — сказал Вадим Алексеевич, строго посмотрев меня. — А вот картошечку в мундирчике возьму.

И он ловко подцепил длинными пальцами картофелину и обмакнул в соль.

Прокофий Фёдорович вытер руки, встал, выдвинул ящик шкафа и положил на стол часы с цепочкой.

— Идут? — жуя, спросил Вадим Алексеевич.

— Обижаешь, начальник, — ответил хозяин, поглаживая бороду.

Вадим вытер руки о полотенце, взял часы и открыл крышечку.

Улыбка на мгновение озарила его приятное, худощавое лицо. Он спрятал часы, перекинувшись словами о холодной погоде с хозяевами, посмотрел на меня пристально и задал вопрос:

— А вы, гражданочка, кто такая будете?

— Я — Васильева Елизавета Петровна, — ответила я робким голосом.

— Та-ак-с! — протянул Вадим Алексеевич и добавил прищурившись. — И каким же

ветром вас сюда занесло, Елизавета Петровна?

— Ездил к месту работы мужа и вот теперь возвращаюсь назад, — сказала я уже готовую легенду и назвала город.

— И документик имеется?

Я вздохнула.

— А вот с документиком беда. Потеряла я его.

— Да что вы... И где? Заявление подавали? — тихо спросил Вадим.

— Ещё нет, только собираюсь.

Вадим Алексеевич поправил волосы, глянул ещё раз на часы:

— Так-с! — он решительно поднялся. — Ладно, надо идти, время не ждёт... А вы, гражданка Васильева, одевайтесь.

— Но куда и почему?

— Выясним вашу личность. Время, понимаете, сейчас такое...

Прокофий Фёдорович и Марфа напряжённо следили за нами.

Я решила не накалять обстановку, в общем-то, была уже готова ко всякому повороту событий, поэтому поднялась и пошла в свою комнату.

Вслед мне полетело предупреждение человека в погонах:

— Да не вздумайте бежать, через окно, или как там... Наган при мне... Я — «ворошиловский стрелок», мигом пулю схлопочите...

Мы вышли вместе со двора. Он — в шинели под ремнём, в краснозвёздной фуражке, вёл оседланную лошадь на поводу, и я — покорная, словно раба, знающая, что меня ожидает, плелась рядом.

Шли мы молча. Ветер дул ледяной, морозил щёки, нёс редкие снежинки.

Мы шагали по замёрзшей улице, поскрипывая снегом, мимо заборов и дворов, согнувшихся под шапкой снега деревьев.

Очень холодное солнце светило сквозь облака бледным светом.

Улица кончалась и выходила она в поле, накрытое белой пеленою.

Вадим остановился и посмотрел на меня.

— Ну что, гражданка Васильева, кого ты хотела обмануть? Никакая ты не гражданка, а зечка беглая, это и по бушлату твоему видно. Ты хоть бы одежду сменила.

— Да не успела, — тихо промолвила я.

— Не успела она, — иронично сказал он, отпустил коня, вынул портсигар, и, спрятавшись от ветра за ворот шинели, щёлкнул зажигалкой, сделанной из патрона, закурил.

— Вы меня арестуете.

Он кивнул, мол, уже арестовал.

— На тебя ещё вчера бумага пришла. С приметами. Да и сын хозяев, Прохор, подсуетился, заявил. Но это-то не беда, ему-то я рот заткну, да что тебе делать?

— Я не знаю, — сказала я, и слёзы брызнули из моих глаз.

— Так-с.... Вот что, — сказал он, бросив папиросу. — Тут километров пятнадцать отсюда, если через лес, будет хутор. Живёт там сестрёнка моя, Ксюшей зовут. Оксана Алексеевна. Там всего — то четыре домика. Не заблудишься. Придёшь к ней, скажешь — от меня. Покажешь вот эти часы. Ну, а дальше... Ну, поможешь ей там, одна мыкается, с ребёнком. Димка, сынишка её...

— А отец где? — задала я нетактичный вопрос.

— Где, где... Похоронка на него пришла в конце года! Вдвоём они там мыкаются, а

старуха-мать померла, — ответил он, смотря куда-то в сторону.

— А дальше? — спросила я, глубоко вздохнув.

— А дальше, видно будет, — ответил Вадим, выдохнув изо рта пар и запах табака.

Глава 9. «Никогда ничего случайного не происходит»

Путь мой был долог, но не очень труден. На душе было как-то легко, шла я, весело насвистывая, достаточно резво благодаря одежде, которой меня снабдил Вадим — удобной телогрейке, шерстяной шапочке, сапогам из овчины (угтам), да варежкам. Походя, любовалась россыпями мягкого снежного серебра, да старалась время от времени отдохнуть и набираться сил.

Гораздо труднее было пробираться через лес, по снежным сугробам.

Но сам лес скорее радовал. Снежинки парили в застывшем воздухе, щекотали лицо, на бело-голубом полотне виднелись частые ямки со следами от когтей — это пробежала белка. Были следы и покрупнее, похожие на волчьи. Надо мною пролетали, посвистывая, юркие синицы.

Миновав по краю овраг, заваленный снегом, я вышла на просеку, и путь мой стал более лёгким.

С пригорка я увидела блестящую льдом реку и четыре хуторских домика на пригорке, возле которых высились стройные сосны.

Из одного дома поднимался к небу столбик серого дыма. С правой стороны от хутора виднелось упиравшееся в лес старое кладбище — всего только несколько могил за покрытыми снегом кустами.

На реке возилась женщина в пуховом платке и тулупчике. Она зачерпнула из полыньи, поставила ведро на лёд. Холодная вода переливалась через край. Я не спеша спустилась к ней.

— Здравствуйте! — поздоровалась я.

— День добрый, — отозвалась женщина, подняв приятное лицо. Из-под платка виднелись завитки светлых волос, красивые голубые глаза пристально смотрели на меня. Она была худенькой и небольшого роста.

— Вы с хутора Орехово-Ванильное? — спросила я, кивнув на группу домиков выше.

— Оттуда, — улыбнулась женщина и вытерла лицо рукавицей. — А здесь только наше поселение и есть. А вы кого-то ищете?

— Да, мне нужна Кошечкина Оксана Алексеевна.

— А это я, — улыбнулась ещё шире женщина. — Да на хуторе никого уж и не осталось — я да сынишка. По какому вопросу ко мне?

— Меня к вам прислал капитан Вадим Острожский.

— А, Вадимка...

— Он тут велел вам кое-что передать.

Я вынула часы, блеснувшие серебряной крышкой.

Оксана взяла их осторожно, как драгоценность, взвесила на руке, вытерла рукавицей нос и открыла крышку. Тут же её лицо озарилось почти детской улыбкой, как и у брата. На обратной стороне крышки был выгравирован её портрет.

— Здорово! Как это у него получилось...

Она глянула весело на меня:

— Теперь я вижу, что вы живая, не призрак, — и легонько дотронулась до моей руки.

— А что, у вас тут бывают призраки? — спросила я с улыбкой.

— Да бывают. Ходят. Вы как появились на пригорке, я подумала — вот опять призрак... Только днём они редко ходят, — произнесла она с некоей грустью, смотря куда-то в сторону.

— Да, я вижу тут у вас и кладбище рядом, — промолвила я.

— Да, и кладбище есть, но могил там немного. В основном хоронят своих хуторских и иногда заблудших.

Последнее заставило меня вздрогнуть.

— Каких заблудших? Пришлых?

— Именно заблудших. Заплутавших на пути к нашему маленькому посёлку.

Заметив моё серьёзное выражение лица, она пояснила:

— Иногда в лесу находят трупы людей, так и не дошедших до нас, с объединённым туловищем и выклеванными глазами. Мы их и хороним на нашем кладбище.

— Какая жуть! Неудивительно, что у вас тут по ночам появляются привидения...

— Бывает и такое, — улыбнулась женщина. — В лунные ночи. А иногда и днём. Вот не так давно, в начале зимы, спускался от леса человек в зелёном одеянии. Будто над снегом плыл. Медленно так... Потом пропал, как не бывало...

— Удивительно... А что, к вам разве трудно попасть? Я дошла без приключений.

— Потому что вы дорогу знали. Вы своя... А кто дорогу не знает, может заблудиться.

Хищные волки и вороны всегда наготове...

Я сняла со спины мешок.

— А я тут вам передачу от брата несу.

— Ой, спасибо... Да что же мы стоим на холоде. Пойдёмте в дом. Там и поговорим.

Я вскинула мешок на плечо, она взяла ведро, и мы зашагали по снегу к домику на горе.

— Что же, у вас тут настоящая глушь?

— Ну, не совсем. Наш выселок официально как бы входят в совхоз, который в противоположной стороне, километров двадцать. Там есть большой посёлок. Оттуда сюда по равнине, через маленькие рощицы попасть легче. Да и дорогу во время пятилетки протянули, камнем выложили, — охотно рассказывала Оксана.

— Какая же польза от вас совхозу?

— Да какая... Фермерское хозяйство. Коров и свиней держали, молоко, мясо сдавали...

А в годы войны всё пришло в упадок, и... мы оказалась как на острове...

Большой дом с красивыми наличниками на окнах оказался на вид уже довольно потрёпанным — годы его не пощадили. Просторное и затейливо украшенное крыльцо, на котором, вероятно, когда-то купцы пили чай из самовара, теперь было серым, поблёкшим. Доски пола гнулись и пищали. Над крыльцом виднелось резное изображение орехового дерева.

Внутри дома пахло щами и тестом.

Навстречу нам резво выскочил мальчик лет девяти, светлоголовый, как и мать. Его руки были в чернилах.

Он готовился что-то сказать матери, но увидев меня, воскликнул:

— Ой, здравствуйте!

— Вот, Димушка, гостя к нам!

Мальчик кивнул, а потом сказал матери:

— А я уже сочинение написал...

— Молодец! Я потом проверю.

— А про что же сочинение? — спросила я, улыбаясь.

— Про весну...

— Как здорово! Значит, ты учишься тут? В школу ходишь?

— Нет, — он покачал отрицательно вихрастой головой.

— Да не ходит он, — объяснила Оксана. — Некуда ему ходить. До ближайшей школы неблизкий путь, да и кто его будет водить в такую даль... Так и учу его сама. Вот война закончится — будем перебираться в город, там уже в настоящую школу его отдам.

Когда мы сели в просторной гостиной, обитой старенькими обоями, я рассказала Оксане откровенно обо всём — как бежала из лагеря, как её родной брат Вадим Острожский спас меня.

— Ну, не беспокойтесь, милая, — взяла меня за руку Оксана. — Останетесь пока у нас! Вот Вадим приедет... У него фантазия богатая, он что-то придумает. Знаете, какие он книжки читает! У нас никто вас не найдёт — такая глухомань! Тем более, что вы страдаете невинно... Вадим вас поддержит... А то, что вы честный и в чём-то необычный человек — это сразу видно! А сейчас давайте посмотрим и разложим продукты, да будем готовить ужин, а то уже темнеет.

Действительно, часы с гирьками пробили пятый час ещё при входе в комнату. Углы потонули в темноте.

Мы прошли на кухню, и я выложила из мешка на стол банки с рыбными консервами и тушёной, сахар в кубиках, две буханки хлеба и ещё всякие редкие продукты, которыми не баловало военное время.

Оксана всплеснула руками при виде такого богатства.

— Ну, живём! Вот это да! Устроим пир на весь мир!

Я набралась храбрости и спросила:

— Оксана, а моё присутствие вас не очень стеснит?

Она махнула рукой:

— Что вы! Дом пустой, комнат хватает. Я вас поселю в комнате, где печка есть... А сын — он живёт в одной комнате со мной, он так привык.

— Оксана, я не в том смысле. В смысле питания. Не объём ли я вас?

— Гера, вы это бросьте. Не пообедем. Что мы будем кушать, то и вы. У нас и картошка ещё осталась, и макароны, и крупы. Хозяйство своё небольшое есть — куры, корова. Так что — проживём! А там, глядишь, и война закончится!

Слёзы навернулись мне на глаза.

— Спасибо вам, Оксана. Вы так помогаете мне.

— Да что вы... Разве человек не должен помогать человеку? Вот ведь как — война, кажется, озверели все... А я думаю, что как раз сейчас мы должны держаться вместе друг за друга. Тогда выживем.

На пороге стоял Димка с моделью самолётика в руках и слушал речь матери.

В последующие дни я постепенно свыкалась с жизнью на хуторе.

Комнату мне выделили удобную, выходящую окном на занесённые снегом немые хуторские дома.

Внутри моего обиталища — привычная железная кровать с блестящими

никелированными шарами, пружинным матрацем, украшенная вышивками, покрывалами и горой подушек, стол с керосиновой лампой, коричневый шкаф с книгами и журналами, откуда я сразу извлекла подшивку «Вокруг света», чтобы почитать на сон грядущий. По всей комнате разносился запах книг и каких-то приятных, неведомых сухих трав.

Я старалась помогать Оксане по хозяйству, ведь навыки рубки дров, разжигания печи и примуса, приготовления простой и бесхитростной пищи у меня уже были. Каждый день мы слушали сводки информбюро и молились, чтобы скорее закончилась война.

Успевала я и позаниматься с Димкой литературой, историей и танцами.

Да, и танцами!

Оксана, выпускница музыкального училища, садилась за рояль. Её лицо становилось вдохновенным и прекрасным, гибкие руки с длинными пальцами нежно и страстно бегали по клавишам и ударяли по ним, иногда она особым жестом подносила тонкую руку, чтобы поправить волосы или открыть нотную страницу, тогда рукав тёмно-синего с розами платья соскальзывал, открывая изящный локоть. И под звуки грибоедовского вальса, или Моцарта, или Сен-Санса, или Чайковского, мы с Димкой делали замысловатые танцевальные движения по гостиной, что давало нам толику веселья.

Иногда мы с мальчишкой играли в самые неожиданные игры, например, в «орлянку» или в «фантики»; расставляли солдатиков — «красную кавалерию» и гусаров 1812 года и пуляли по ним сухими горошинами из маленькой пушечки.

Но более всего Димка обожал самолёты! Он сам мастерил модели из дерева, шёлка, бумаги и прочего, восторженно рассказывал о разных марках самолётов, их боевых и технических качествах. Мы с удовольствием запускали планеры, глядя, как они парят на восходящих потоках, листали книги с изображениями крылатых машин, смотрели марки.

Бывало, цепляли коньки — «снегурки» и вычерчивали зигзаги на льду, пока он был ещё крепким.

Часто слушали ламповый приёмник. И, конечно же, читали вслух! Герои Жюль Верна и Стивенсона, Хаггарда и Джека Лондона, Каверина и Беляева и других писателей стали нашими друзьями!

С помощью Оксаны я рассмотрела старинный дом, принадлежавший с давних времён Острожским.

Однажды она открыла тяжёлый бархатный альбом с семейными фотографиями. По словам Оксаны, отец и мать их поначалу жили в городе и имели там большой дом, доставшийся им от купца Острожского, их деда. Но в первые годы советской власти их уплотнили. В доме поселили семьи рабочих местного машиностроительного завода.

Спасало семью Острожских от полного выселения и ссылки то, что сын их Алексей, отец Оксаны и Вадима, будучи кадровым офицером, пошёл служить в Красную Армию. В жёны он взял миловидную девушку из простой семьи железнодорожного обходчика, и Антонина была ему хорошей супругой, мужественно и стойко мотавшаяся с ним по фронтам и гарнизонам. Но рана, полученная Алексеем Острожским в бою, время от времени напоминала о себе.

Демобилизовавшись из армии в сложные тридцатые годы, когда в среде военных проходили репрессии, полковник Острожский уехал на хутор Орехово-Ванильное и жил там, в то время, как его супруга Антонина пока оставалась в городе Изумрудные Росы. Нужно было помогать детям, которые в ту пору учились: Вадим — на военного юриста, а Оксана — в музыкальном училище, где была потом оставлена на преподавательскую работу. Как

только дети более — менее стали на ноги, Антонина уехала к болевшему мужу.

— В годы учёбы я познакомилась с хорошим парнем Костей Кошечкиным, — рассказывала Оксана. — Он был добрым и весёлым, и, казалось, никогда не знал, что такое грусть. Работал он акробатом в цирке. В тридцать четвёртом мы поженились. В следующем году родился наш Димка. Сначала мы мыкались по разным квартирам. Иногда трудно было — цирк на гастролях, я еду с мужем... Но все эти трудности мы как-то легко и весело переносили — молодые были! Но с маленьким ребёнком тоже особо не поездишь. А тут в тридцать девятом умирает мой отец. Измучился он — много и долго болел от ран, полученных в боях. Нас зовёт к себе мать: «Приезжайте в Орехово-Ванильное. Я тут одна, на выселках, не справляюсь с хозяйством». Действительно, она жила там одна в большом доме с домработницей Клавой. В это время Орехово — Ванильное уже было частью совхоза, расположенного недалече отсюда. Там была школа и нужна была учительница музыки. А Костю обещали учителем физподготовки взять. Не успели мы перебраться, как грянула война, будь она неладна... Ну, Костя сразу в Росы, в военкомат пошёл. Добровольцем на фронт. Поначалу от него письма приходили, знаете, такие треугольные, и эти весточки так радовали нас! А потом — тишина... Мы очень переживали, просили Вадима, чтобы он узнал по своей линии хоть что — нибудь о Косте. А тут на него — похоронка. Погиб смертью храбрых, спасая своего командира. А потом Вадим и статью привёз из газеты. Так и называется «Спасая командира». И приказ о присвоении Константину Кошечкину звания Героя.

Оксана открыла маленькое бюро и достала вырезку из газеты. На ней фото человека в форме. Губы сложились едва видимой улыбкой, и глаза добрые и тёплые...

— А как же ваша мама?

— Мать пожила ещё, всё худела и болела, но успевала нам помогать по хозяйству. А в декабре прошлого года её не стало...

— Похоронили здесь?

— Да, здесь есть неподалёку, ближе к лесу, маленькое кладбище. Вадим хотел где-то батюшку найти и привезти, да вот, не успел, не получилось...

— А как же сам Вадим? Как сложилась его судьба?

— У Вадима была непростая жизнь. Его брак, очень ранний, быстро дал трещину. Он остался один, мучился, клялся, что никогда не женится. В начале войны был направлен на работу в милицию. Ну, что же, он партийный, пошёл туда, где нужнее... Вот и теперь служит там, нам помогает, как может. Работа у него тоже страшная и опасная, считай — тот же фронт. Бандюг ловит, как-то раз и ножом ранен был, да вот оправился, слава богу!

Так рассказывала Оксана, в волнении теребя в руке платочек, смахнув блеснувшую слезинку.

В один из дней мне довелось совершать уборку в нежилой пыльной комнате со сводчатым потолком, обитой деревянными панелями. Когда-то в ней жили родители Оксаны.

В помещении было полутемно, потому что ставни одного окна были закрыты. Пахло залежалыми тканями, старым лакированным деревом, картоном и мышами.

Когда я открыла ставни окна и осветила комнату, то заметила красивые шкафы из вишнёвого дерева, роскошное трюмо, а главное — целую галерею картин, из которых

преобладали портреты. Одна картина мне показалось смутно знакомой.

Я осветила её. И моя рука дрогнула, едва не выронив свечу: на меня смотрела девушка с кувшином — та самая картина, которая висела в комнате у Максима! Ах, почему я такая нелюбопытная, почему не расспросила Максима, откуда картина и кто её автор. Но, я же знакома с женщиной на картине! Как её зовут?

У меня перед глазами возник мой визит в прошлый век, сразу вспомнились Захар Романович, Софья... Ну да, точно, Софья! Но как её фамилия?

Находясь под сильным впечатлением, я почти бегом устремилась к Оксане. Она как раз пришла со двора на кухню и принялась под рукомойником мыть руки.

— Оксана, там, в зале, картины интересные. Кто у вас их собирал? — спросила я в волнении.

— Да ещё бабушка собирала, а потом и родители что-то покупали, обменивали. А что? — сказала она, вытирая руки полотенцем.

— Да вот одна картина заинтересовала. На ней молодая женщина в комнате с кувшином.

— А, «Девушка с кувшином». Да это же портрет моей бабушки Софьи, — улыбнулась Оксана. — А что? Вам знакома эта работа?

Ошарашенная, я кивнула.

— Дело в том, что такое же полотно висело в доме у Максима... По крайней мере, очень похожее.

Оксана пошла вместе со мной в старую комнату.

— Да, эта картина давно у нас. Мы смотрим и любимся, какая у нас красивая бабушка была. Может у вашего Максима была копия?

— Оксана, а кто автор этой картины?

Оксана пожала плечами:

— Вот этого я вам не скажу. Картина у нас давно, как-то по малолетству и по неопытности мы не поинтересовались.

Помолчав, Оксана тяжело вздохнула, села в зачехлённое кресло и продолжила:

— Знаете, времена — то какие были. Старое старались забыть, выкинуть из памяти. Мы никогда прилюдно не говорили о том, что происходим из купеческого рода. К тому же, отец и Вадим ещё и партийные... Ну, а картины как свезли сюда, так они тут и висят... Был ещё портрет деда, купца Елисея Острожского, да куда-то он пропал, то ли испортился, то ли отец куда спрятал его... А бабушка Софья вот осталась...

— Скажите, Оксана, а как сложилась судьба Софьи? — спросила я, в волнении хрустя пальцами.

— Да сразу после революции она и померла. В девятнадцатом году, кажется... Ну да, ей почти восемьдесят было! А дед Елисей — тот ещё до революции помер...

Я сидела, кивала головой, думая, гадая о том, что в жизни никогда ничего случайного не происходит.

Глава 10. «плавно дотронулись пальцы его руки»

Все эти дни ранней весны в поле ещё лежал толстый слой снега, и холодный ветер пронизывал наши тела. Постепенно снег потемнел и стал похожим на рассыпанный сахар.

Природа пробуждалась, просыпались деревья, протягивая голые ветки к небесам, ожили подземные воды. Тонкий панцирь реки постепенно подмывался и истончался. Вот на сучьях появились первые птицы, и их щебет с каждым днём становился всё более неистовым.

В один из дней под ослепительно синим небом мы с Оксаной пошли к реке, и она рассказала о призраках, которые посещали её дом:

— Два раза в лунные ночи приходил мой муж. С тех пор я как-то не могу считать его погибшим... Для меня он просто ушёл в другой мир, но наблюдает за нами. Он ничего не говорил, просто смотрел на нас, как будто хотел удостовериться, что с нами всё в порядке и исчезал — уходил туда, к старому кладбищу и к лесу. Как он выглядел? Приходил в шинели, без шапки, чёрные волосы падали прядями... И ещё моя мать раньше видела приходившую сюда бабушку Софью. А также иногда, в лунные ночи, могут пригрезиться незнакомые призраки, души людей, живших на этом хуторе в разные времена. Ведь сейчас мы здесь одни, остальные дома стоят вымершие, пустые. Поначалу нам от этого было жутко, но потом привыкли. Я стараюсь Димку не пугать привидениями, и сама не боюсь их. Но всё же, когда они являются, как-то не по себе....

— Возможно, эти призраки — это неупокоенные души умерших..., - пыталась объяснить я.

— Да, но почему они приходят? — спросила Оксана.

— Трудно сказать... Возможно, по каким-то весомым причинам, они как бы «застряли» между мирами, никак не могут покинуть нашу плоскость существования и перейти на следующий уровень. И ещё я читала, что призрак с того мира приходит о чём-то предупредить, или удостовериться, что всё в порядке.

— Возможно. Если, конечно, вообще существует разумное объяснение тому, что происходит. Быть может нашему разуму не дано это постигнуть, — промолвила задумчиво Оксана.

После этого разговора прошла пара дней, когда одной лунной ночью я сама увидела призрак.

Проснувшись ночью от шума ветра. Заливисто пела печная труба. Мне показалось, что кто-то постучал, хлопнул ставней или бросил камнем в окно. Где-то осторожно закрылась дверь. Возможно, это была буря, свистевшая за окном, гудевшая в мокрых соснах, росших неподалёку от дома. Хлопали двери и сорванные крыши в брошенных хуторских домах. Ветер свистел в разбитых окнах и дверях.

Я прошла в гостиную, чтобы через окно оглядеть другую сторону двора.

Вглядываясь в темноту, я заметила огонёк лампы, который светился, рассеивая мрак возле тёмной фигуры, на плечах которой был белый плед.

Я зажгла фонарь «летучая мышь». Сердце молоточком стучало в груди. Пошла к входной двери — она была не заперта.

Я вышла на порог — ветер гнал тяжёлые тучи по свинцовому небу. В разрывах облаков поблёскивали холодные, будто льдинки, редкие звезды. За облаками дрожала бледная луна,

едва пробиваясь своими лучами в мглистую голубизну ночи.

Я пошла в направлении фигуры с лампой, которая медленно двигалась на пригорок к кладбищу. Это была женщина, и ветер шевелил складки её платья.

Внезапно она, как будто что-то почуяв, обернулась.

Это была Оксана. Она совсем не удивилась моему появлению, а лишь приложила палец к устам. Подождав, когда я подойду, она прошептала:

— Тихо! Он пришёл!

— Кто? Костя? Твой муж?

— Да!

— Но где же он?

— Смотри. Видишь впереди...

Всмотревшись во мглу, я едва заметила еле видимые очертания тёмной фигуры.

Внезапно тучи раздалились, и свет луны упал на силуэт в шинели с бледным лицом. Непокрытая голова совсем не напоминала стриженую, солдатскую, тёмные кудри волос медленно развивались по ветру.

Призрак остановился у крестов рядом с шумящими соснами и стоял, когда мы подошли.

— Костя, — мягко сказала Оксана, — спасибо, что ты пришёл проведать нас. Скажу только, что у нас пока всё хорошо. Живём вот. Димка учится дома, уже делает первые успехи. Дивный он, всё самолёты строит. Говорит, что будет авиатором, лётчиком... Вот, рядом со мной, очень хорошая женщина Гера. Она у нас недавно живёт, но уже стала мне надёжной подругой и помогает во всём по хозяйству. Одинокая она и бесприютная, вот Вадим и помог ей, прислал сюда жить. И нам не так тяжело и страшно, и ей хорошо. Вадим много помогает нам, особенно с продуктами, а иной раз и одежонку какую подкинет. Вот такие у нас дела. А ты, как там?

Призрак заколебался, но едва улыбнулся доброй улыбкой, что, как будто означало, что всё хорошо.

— Эх, знать бы, когда кончится война, — вздохнув, произнесла Оксана.

На это призрак оживлённо отреагировал — лицо Константина стало серьёзное и даже мрачное, и он выставил вперёд два пальца.

— Что? Два месяца? Не может быть!

— Может быть два года? — спросила я.

Он пристально мне взглянул в лицо и кивнул.

— Два года! — покачала я головой... Мы победим?

Он кивнул и подошёл поближе, протянул ко мне руку, но не дотронулся.

Лишь улыбка озарила его лицо.

Он как будто что-то спрашивал обо мне.

Я сказала:

— Костя, я балерина, волею судьбы брошенная в тёмную пучину жизни, лишённая свободы. Зовут меня Гера. Из лагеря бежала. Не знаю, как сложится жизнь дальше. Но меня терзает одно — судьба моего возлюбленного Максима Ковалевича. Он художник, тоже несправедливо обвинённый. Бежал от преследования, вот только так до сих пор и не знаю, жив он или мёртв. Есть ли Максим Ковалевич в мире мёртвых?

Он внимательно посмотрел на меня, долго стоял, глядя куда-то вверх, на выступившую луну, а потом отрицательно помотал головой.

— Так жив он? Или не знаешь?

Призрак вновь помотал головой. Его тело задрожало, а тут задрожала и я: сквозь тело призрака можно было различить окружающие холмы и кресты.

Он сделал нам знак оставаться на месте, а сам медленно пошёл через кладбище и потом пропал из виду.

Всё произошедшее очень сильно повлияло на меня. Оно вселило в меня какую-то внутреннюю уверенность, что не всё ещё так безнадёжно, что возможен поворот судьбы к лучшему.

Все эти дни, с тех пор, как я поселилась в Орехово-Ванильном, я не совершала полётов, сосредоточив все свои силы и время на помощи семье Кошечкиных.

Но тут произошёл случай, который заставил вспомнить былые навыки.

Как-то в один из весенних дней, набирая воду из реки, Оксана неосторожно вышла на тонкий лёд и провалилась в воду. Ей удалось выбраться, так как глубина была по пояс, но к вечеру у неё поднялась высокая температура.

Пока я и Дима пытались как-то помочь заболевшей, раздался топот лошади.

Оказывается, приехал Вадим Острожский, и это была наша вторая с ним встреча. После общих взаимных обменов новостями, я повела Вадима к больной. Мы померили температуру — она перевалила за тридцать восемь.

Ночью начались бред и горячка. Уложив Диму спать, Острожский произнёс задумчиво:

— Та-ак-с.... Нужно срочно ехать в город за лекарствами. Единственное, чего я боюсь — не успеть! Ночью пробираться через лес трудно, да и лошадь боится волков, а тянуть до наступления дня нельзя.

Он сидел за столом, опустив голову, постукивал портсигаром.

— Подождите, Вадим, позвольте мне слетать за лекарствами, — предложила я.

— То есть? — слегка недоумевая, он посмотрел на меня.

В его глазах были не только удивление, но и такая вера в меня, что я решилась...

— Смотрите! — объявила я и тут же осторожно поднялась к потолку гостиной.

— Если я полечу — это будет быстрее? — спросила я, паря у самого потолка.

Ответом было молчание — настолько неожиданными были мои действия! Вадим даже вытер пот со лба, механически открыл портсигар, закурил.

Когда я медленно опустилась рядом с ним, он спросил:

— Всегда ты такое умеешь?

От волнения он сам не заметил, как перешёл на «ты».

Я покачала головой:

— Нет, не всегда. Не знаю, к счастью, или к горю. Теперь я больше как обычный человек, но раньше чаще умела.

Вадим задумался, кивнул и произнёс:

— Я сразу почувствовал в тебе что-то необыкновенное, ещё в тот день, когда увидел в доме у Прокофия. Знал, догадывался, что мир шире, чем мы его представляем... И тогда решение не арестовывать тебя абсолютно на ходу, спонтанно принимал.

Он начал тушить папиросу, обжёг руку.

Я сказала ему решительно:

— Вадим Алексеевич, нечего раздумывать, надо лететь. Я — то точно быстрее обернусь, чем вы доскачите...

— А найдёшь путь в темноте?

— Ну, вы мне объясните...

Он наклонился вперёд, глядя прямо в лицо:

— Опасно тебе появляться в городе — могут и задержать. Особенно без документов. Ладно, паспорт Оксаны возмёшь. Я тебе на скорую руку «охранную грамоту» соорудить могу. И записку дам к Логачёву — врачу знакомому. Он всё организует, а шприц и у нас дома есть.

Он быстро достал лист бумаги и карандаш и подсел к столу.

— Так-с... Вот смотри. Это наш выселок, а это — Росы, город, куда тебе нужно попасть. Будешь лететь — держи на восток! Лети над лесом. Вот в этом квадрате есть большая скала, у её подножия ещё сосна высокая растёт. Так вот, от этой скалы повернёшь на юг и над оврагами и пустошью — до пригородных домиков и до высокой колокольни... Минуешь частный сектор, пойдут городские кварталы, увидишь сквер с памятником пионерам. Это относительно новый памятник. Дальше я пишу тебе адрес...

Уже зажглась утренняя заря, когда я вышла из дома, плавно поднялась над весенней землёй в пустынное небо. Посмотрела с высоты на опрокинутый земной мир, словно отражавшийся в волшебном зеркале. У порога стоял Вадим, и жёлтый фонарь освещал часть его фигуры и какое-то восторженно — удивлённое, полное надежды лицо.

Сделав пробный круг над домом, я полетела на восток, к темнеющей громаде леса. Убежал вдаль наш хутор, слева проплыло подо мною место упокоения — кладбище, а справа — тёмно-серебристое полотно реки.

Бывает так, что зима долго держится, но буквально за два дня сдают свои позиции и уходят прочь морозы, и дыхание весны начинает явственно ощущаться. Вернулись чибисы, дрозды, скворцы и жаворонки, пронзительно поёт синица и малиновка.

Утро восходит торжественно, словно королева на трон, под звуки горниста.

Сначала в лицо бьёт холодный вечер, но вот небо становится яростно голубым, и ветер теплеет под лаской солнца, гонит мелкие облачка, среди которых ярко-розовое, тёплое, вселяющее надежду.

Начало городка Изумрудные Росы я узнала по хорошо знакомой белой колокольне. Далее потянулись дома и сады. Они находились в зыбком сером тумане. Солнце гасло в тумане, словно в пепле. Я старалась лететь не слишком высоко, чтобы видеть дорогу.

А вот и городские кварталы. Сквозь серо-молочную пелену было едва видно, как в клубах тумана проскользнул маленький, словно игрушечный, малиновый трамвай, двигались миниатюрные машины, прохожие, спешащие по делам. К счастью, лететь было уже недалеко.

Я ещё раз сверилась с планом Вадима, снизилась, прошла на бреющем полёте над парком и разглядела памятник пионерам — застывшая громада вырезанных из камня фигур рядом с бассейном. Я осторожно стала снижаться к дереву, росшему недалеко, как бы сливаясь с ним, чтобы меня не заметила прогуливающаяся по дорожке женщина с коляской. Но она больше занималась ребёнком.

Сразу после долгого полёта, когда нарушается вестибулярный аппарат, освоиться на земле не просто. Я походила по цветочным клумбам, среди кустов, размялась, вышла на аллею, пересекла улицу, а дальше шла, переступая через покрытые рябью лужи, поглядывая

на номера домов.

Когда я вышла на улицу Герцена, вымощенную брусчаткой, стрелы солнечных лучей окончательно разогнали туман, и вместе с солнцем в городе воцарилось юное сладостное дыхание весны, сопровождавшееся неугомонным птичьим щебетом.

Я остановилась у красных облупленных дверей, где табличка гласила «Доктор Логачёв — три раза». Я просигналила, подморгнув вынырнувшему откуда-то из подворотни грязноватому мальчишке в большой, явно не по размеру кепке, который почему-то уставился на меня, хрустя яблоком.

На звонок вышел худой человек в очках, вытиравший руки полотенцем. Это и был доктор Логачёв. Я отдала ему записку Острожского.

Через пятнадцать минут мы уже шагали к аптеке, которую доктор открыл своим ключом, а спустя ещё пятнадцать минут я вышла из дверей с пакетом лекарств в руке. Доктор сопровождал меня последними наставлениями.

Нужно было уйти из этого людного места. Прошагав какое-то время в толпе прохожих, я заметила вход во двор — колодец и приоткрытые железные ворота.

Тут я и увидела её — старушка еле двигалась в тени, опираясь на палочку.

— Деточка, доченька, помоги, милая, мне до подъезда дойти, — простонала она при виде меня.

Я взяла её под руку и повела к воротам:

— Давайте, бабушка, только быстрее...

— Ой, деточка, не могу я быстрее...

Действительно, мы, войдя в глухой двор, ползли по нему с черепашьей скоростью.

Но вот и подъезд.

— Проходи вперёд, детка, включи мне свет, а то до квартиры я не дойду, — промямлила женщина, пропуская меня вперёд. — Там слева выключатель нашарь...

В подъезде пахло мышами и чем-то прелым.

Мои руки шарили по стене и тут же были скованы неумолимой, тесной верёвочной петлёй.

Не успела я опомниться, как и ноги мои оказались связаны, и, инстинктивно сделав шаг, я упала. Пробовала встать, но чья-то мощная сила прижала меня к полу и несколько наглых и лохматых рож нависли надо мной.

Я узнала грязноватое лицо мальчишки, евшего яблоко:

— Это она. Я видел её у аптекаря. Зуб даю, — сипло сказал он.

— Попалась, тварь! — елеинным голосом добавил кто-то.

Тут же наглые руки начали шарить по моему телу, выворачивая карманы.

Неизвестные тут же присвоили себе кулёк с лекарствами.

— Что вы творите! Отдайте..., отдайте и сейчас же отпустите меня! Эти лекарства нужны больному человеку!

— Заткнись! — грубо крикнул кто-то.

— Если я их вовремя не доставлю, то человек может умереть! — успела произнести я, а потом заорала: — Помогите! На помощь!

В гулком подъезде слова прозвенели как набат, но никто не вышел.

Мгновенно мне заткнули кляпом рот и потащили куда-то вниз. Очевидно, это был подвал. Я шла, еле двигая связанными ногами, поминутно рискуя упасть.

Когда я опомнилась, освоилась в полутьме, то поняла, что нахожусь в подвальном

помещении, среди каких-то ящиков и узлов.

Горела лампа. Напавших бандитов, судя по всему, было четверо. Известный мне мальчишка сидел на ящике и тасовал замусоленные карты.

Худой, чернявый, коротко стриженный человек с перебитым носом, одетый в явно маловатый для него полосатый свитер, находился за исцарапанным пыльным столом и вертел в татуированных руках мои документы.

— Отдайте документы! — гневно потребовала я. — Это всё не ваше...

— Ха, ха, ха, — громко рассмеялся человек в полосатом свитере, бросив небрежно паспорт на стол и почесав грудь. — Было ваше, а стало наше... Ладно, кончай базар! Заманиха здорово сработала! И иква неплохая, и малява (он повертел в руках записку Вадима). Ого! Значит, сам мент Острожский написал. Всё путём!

— Отдайте мне всё и отпустите! Иначе вы знаете Острожского — он вас в покое не оставит!

— Слышь, ты, фонтан заткни! Знаем мы твоего Острожского, гражданка Оксана Кошечкина. Так по документу? Ха, Кошечкина... Сейчас посмотрим, какая ты кошечка...

И он подошёл и стал грубо тискать меня. Я пыталась увернуться, дёргалась, хотела укусить за руку, но меня крепко держали длинный тип, от которого несло самогоном и юркий, но жилистый круглолицый малый, с папиросой в уголке рта.

— Ладно, Султан, кончай, она не бикса... Ты хоть Пацана убери... Не здесь же... Жучка, наверное, раз барыге помогает, — сказал высокий со шрамом, зевая чёрными провалами почти беззубого рта.

— Чего с ней цацкаться, на перо её и дело с концом. Тут и прикопаем, — едко сказал круглоголовый парень по кличке Малёк, обдавая меня папиросным дымом.

— А сначала попользуемся — «амур — лямур», — ласково прошептал Султан.

И крикнул на Пацана, чтобы тот убирался во двор и ждал их там.

Я молчала, понимая, что нужно как-то выкручиваться из положения, почти безнадежного. Ведь там, далеко на хуторе, страдает больная Оксана, в любую минуту могущая умереть, переживают и нетерпеливо ждут Вадим и Димка. Надо что-то придумать, надо...

И тут Длинный со шрамом промолвил:

— погоди, Султан, амурные дела ещё успеем. Пусть сначала скажет, где склад у них.

Султан воззрился на меня своими безумно чёрными глазами и истерично заорал:

— Что, сука, война, люди гибнут, а ты лекарствами торгуешь, на народном горе наживаешься!

— Да разве это лекарства, так мелочёвка, — сказала я нарочито грубовато. — На складе — то больше можно взять.

— Ух, ты, как ты вдруг заговорила! Что, очко заиграло? Ха, ладно! Ну и где этот склад? — жёстко спросил Султан.

— Это знает человек, которому я несу лекарства.

— Что за человек?

— Так, один полковник.

— Ух, ты, полковник? Как фамилия?

— Фамилия у него смешная — Обезьяна!

Бандиты заржали.

— А может это кликуха? Нет? Видно красавица великий этот твой полковник! Ладно,

проверим... Дальше..., - сказал Султан, отсмеявшись.

— У нас сейчас через пятнадцать минут встреча. Он должен бабки принести. Вот он знает, где склад, — уверенно сказала я.

Длинный сразу приставил к моему горлу нож.

— Говори, где встреча.

— А вы отдайте мне документы. А получите ещё больше — деньги он принесёт крупные... Сами знаете, у военных деньжата водятся...

— Ха, нашла дураков. Сначала деньжата! Так, где вы встречаетесь? — спросил заинтересованный Султан.

— Да на чердаке дома, того, что напротив памятника тимуровцам.

Я хорошо помнила этот пятиэтажный дом с длинной пожарной лестницей, ведущей на чердак — сегодня я проходила мимо его.

— Я знаю этот дом — 24, - закричал низкий круглолицый тип. — Это на Первомайской. У меня кореш там живёт.

— Ладно, — сказал Султан, — поверим. Если удастся позолотить ручку — будешь жить. А если арапа заливаешь — гляди! Амба!

И он потушил лампу, отчего в подвале стало полутемно.

— Длинный, развяжешь её. Отвечаешь за неё по полной... Вперёд! — скомандовал Султан.

Бандиты зашагали к выходу из подвала.

Улица, мирная и тихая, ослепила ярким солнцем. Мы бодро, но молча, как заговорщики, шагали по тротуару, и дошли до Первомайской.

Остановились у дома и стали кружком, открыв рты и поглядывая вверх.

— Ну, как подняться на чердак? — спросил у меня Султан.

— Ну, как... По пожарной лестнице.

— Тьфу! — выругался Длинный. — И что, другого пути нет?

— Нет! А как вы ещё представляли себе путь на чердак? — решительно сказала я, глядя им всем в глаза. — Подъезд — то закрыт...

Бандиты недоверчиво переглянулись.

— Я залезу, я смогу! — закричал Пацан, указывая на лестницу.

— Тиши ты! — цыкнул на него Малёк.

— Ладно, Пацан остается внизу у лестницы, а Длинный и Малёк за мной, — приказал Султан.

Мы медленно стали подниматься наверх — первым Длинный, потом крепко цеплялась за поржавевшие поручни я, за мной — молчаливый кругленький Малёк, и замыкал нашу компанию беспокойный Султан.

Длинный вылез на грохочущую железную крышу, вытер лицо рукавом и блеснул револьвером.

— Да спрячьте оружие. Он же может заподозрить вас..., - сказала я.

На крыше я чувствовала себя много увереннее, здесь царило солнце и синева небес.

— А где же вход на чердак? — спросил Длинный.

— Через слуховое окно, — быстро сориентировалась я. — Но человека ещё нет.

Султан вытер запотевшее лицо.

— Ну что ты гонишь? Когда он появится, говори скорей.

— Он уже внизу под домом ждёт меня. Да не выглядывайте вы. Он поднимется, когда я

подам ему знак.

— Какой знак?

— Стану на краю крыши и покажу пакет с лекарствами. Это значит, что товар есть и всё безопасно.

— Да не толкай фуфло! На краю крыши..., - недоверчиво сказал Малёк.

— Ну, как хотите... Всё так, как я вам говорю..., Давайте пакет, если желаете увидеть человека с деньгами.

— Очень желаем, — злобно промолвил Султан.

— Да ладно, дай ей пакет, Султан, куда она убежит... Пусть знак подаст! — сказал Длинный.

Султан дал мне пакет.

— Гляди, не надуй! Валяй!

Я скептически посмотрела на этих жалких людей, сжимая в руке пакет и сказала презрительно:

— Ну, что вы стали, как на базаре... Да схоронитесь вы и не высовывайтесь! Он же засечёт вас! Если уже не засёк!

— Не засёк! Ладно, давай, зови его, только быстрее. Мы будем за той будкой, — и Султан показал на шахту с лестницей для выхода на крышу.

— Ага! Присядьте там! — сказала с усмешкой я.

— Давай, давай! — подгонял меня Султан, блестя чёрными глазами.

Дождавшись, когда они отойдут, я стала на самом краю, а потом шагнула вниз и вверх.

Тело подхватила знакомая волна, и я мигом вознеслась в высокое голубое небо, представляя, какие рожи теперь у бандитов.

И стремительно понеслась вон из города.

Не буду очень детально описывать свой обратный полёт, отмечу лишь, что никогда ещё не летела так быстро. Кроме того, я чуть не попала в пасть смерча — «чёрного дракона», преградившего путь и едва не врезалась в острую скалу, укрытую шапкой облака.

Но, минуя все эти опасности, я благополучно приземлилась во дворе нашего дома, в то время, когда Вадим, поглядывая на небо, теребя руку с часами, места себе не находил!

Он нервно спросил о задержке, но я махнула рукой — потом!

Мы принялись за лечение и уколы. Лекарства, питательная пища, заботливый уход сделали своё дело, Оксана стала идти на поправку.

Но в день моего прилёта я решила на откровенный разговор с Вадимом, лишь после выполнения всех лечебных процедур.

Заметно потеплело, и мы сидели во дворе под яблоней в старой беседке. Я рассказала ему откровенно всю историю с бандитами и фактически о потере документов, которые мне так и не вернули.

— Бедная, — Вадим встал и неожиданно крепко обнял меня. — Что они сделали с тобой?!

— К счастью, не успели ничего, только оскорбили и ограбили... Документы — то не вернули...

У Вадима гневно блеснули глаза. Он сел за стол, низко согнувшись, привычно постукивая папирасой по портсигару.

— Так-с! — протянул он. — Значит Султан взялся за старое... Вот как значит! Ну — ка, напомни ещё раз, кто с ним был?

Я описала злоумышленников, как могла, не забыв и старуху — наводчицу.

Вадим Острожский внимательно слушал, кивая головой, вертя портсигар в руке.

— Значит так... Этот круглолицый мерзавец Малёк, растлитель малолетних девочек и известный спекулянт, а также крупный вор Длинный, который со шрамом, мне хорошо известны, я брал их. А вот Султан, этот покруче... Мне приходилось быть на его допросе. Сколький, как угорь! Серьёзный и очень опасный тип! Тебе просто чудом удалось уйти из его лап, а вообще-то на нём висит с десятков трупов... Ну, и ещё масса всего! Это давние мои недруги... А старуха эта — бывшая прислужница в одном барском доме. Я её ловил не раз на мелких кражах и сводничестве, да всё миловал, а надо было наказать, надо... Да вот думал — старый человек... А она — вишь, что творит... А пацан, мальчишка этот — для меня новое лицо! Видно, опять кого-то в свою шайку Султан затащил.

Я сидела, вздыхала, слёзы были на глазах. Заметив это, Вадим положил свою руку на мою.

— Ну, не переживай, Гера. Ты сделала всё, что могла в создавшихся условиях и даже больше. Ты смогла ускользнуть от этих нелюдей и спасти лекарства. А ведь могла и погибнуть. Спасибо тебе за это, ангел мой, спасибо за мою сестрёнку. Теперь она будет жить!

И растроганный Вадим крепко обнял меня.

Он уехал спустя день, торопился на службу.

Вернулся Вадим на хутор, когда старые липы, росшие во дворе, уже начали зацветать.

Дни и ночи пахли липовым цветом, сладко распевали птицы, ночью неистово гремели лягушки, и звёзды блистали серебристо-сиреневыми огоньками.

Мы отвлеклись от наших огородно-хозяйственных дел и забот, чтобы посмотреть, что нам привёз Вадим.

В первую очередь он положил на стол круглую жестяную чёрную коробочку, украшенную красными кружочками.

— Да это же монпансье! — воскликнула Оксана, и мы, зазвенев крышкой, кинулись лакомиться ароматными леденцами — так во время войны отвыкли от сладостей!

— Это тебе, носи, — сказал он Димке, сосущему за щекой леденец.

И Вадим, немного небрежно, бросил на диван рубашку и брюки:

— Брал на вырост, должно подойти.

— Ух-ты! — мальчик сразу схватил рубашку — ковбойку! — Класс! Так это же настоящая Америка!

— А вот и вам подарки, а вы уже сами разберётесь, кому что, — сказал он уже нам с Оксаной.

Мы ахнули! Вадим нам привёз платья, отличавшиеся широкими квадратными плечами с подплечниками и тонкой талией, а Оксане дополнительно ещё и жакет.

Мы примеряли всё это с восторгом в комнате с картинами. Выбрали себе платья, но печалились, куда же всё это надевать.

Вадим любовался нами и успокаивал, закуривая папиросу:

— Ничего! Будет и на нашей улице праздник! Не вечно же жить нам, как Робинзонам, на выселках... Вот закончится война, переберёмся в город и....

Не знаю почему, но мы ему верили, настолько он нам казался могущественным и

основательным.

Докурив папиросу, Вадим подмигнул мне и достал из кармана что-то, завернутое в бумагу:

— Оксана, а вот главное!

И он бросил пакет на стол. Оксана развернул его дрожавшими пальцами. Там был её паспорт, который отобрали бандиты...

Оксана перелистывала страницы:

— Вроде всё цело...

— Цело, я проверял, — кивнул Вадим.

— А что же с самой бандой?

Вадим легко вздохнул, стукнул портсигаром по столу:

— Ликвидировали. Султан отправился на тот свет, уж больно нервный он был, а остальные — в места, откуда не скоро выходят...

Вечером, когда Оксана проверяла уроки у Димки, Вадим пригласил меня для серьёзного разговора.

Мы сели за столом во дворе, вдыхая свежий аромат листвы и цветов. Золотистый вечерний свет мягко заливал двор.

Вадим, открыв карман на кителе, достал новенький паспорт и положил мне на стол.

— Вот, Гера, ты теперь полноправный член общества, гражданка Советского Союза. Скоро будут и другие документы. Правда, имя Геры я не решился обнародовать. Теперь, ты Георгина Леонидовна Метаксина. Георгину тоже можно называть Герой. Осталось тщательно продумать биографию.

Я кивнула и сидела, листая паспорт, и во мне всё переворачивалось! Мне не надо было теперь прятаться, бояться, волноваться! Я шла к людям!

Мы сидели с ним долго и молчали, пока не наступил призрачный час сумерек и над лесом не встал узкий серпик месяца. Я сидела не дыша, волнуясь, вытирая слёзы. Я возвращаюсь к жизни!

Вот на этом можно бы и кончить мою историю, но на самом деле жизнь продолжалась, бурлила и текла, словно полноводная река, и много ещё чего было.

Но, впрочем, стоит вспомнить ещё один случай.

Постепенно заканчивалась война. Сначала она грохотала где-то вдали, её взрывы не долетали до нас, но всё же она ощущалась как-бы энергетически. Буквально накануне её окончания приходил призрак погибшего красноармейца Кошечкина. Вёл он себя уже не так беспокойно, а по-доброму, ласково, говорить с нами не стал и очень скоро исчез.

И только разнеслась весть о капитуляции Германии, мы вздохнули свободно. И победу нашу приняли, как вечный праздник радости и справедливости!

В один из золотых июльских дней пошли мы с Димкой на прогулку в лес. За годы, проведённые вместе в одном доме, мы очень привязались другу к другу, иногда нас тянуло на откровенности, и мы стремились поведать друг другу самое сокровенное.

Солнце мягко золотило высокие стволы сосен. Деревья торжественно и величаво шумели под ветром. Птицы перескакивали с сосны на ольху, с ольхи на дуб, с дуба на берёзу, а затем вновь на сосну, насвистывая, поглядывая на нас бусинками лукавых глазок, будто играя с нами.

На полянах ветер шевелил мягкую шелковистую траву, разносил запах цветов. Хорошо было полежать на траве среди аромата цветов и трав, играя в разные игры или просто слушать песни птиц и гудение пчёл.

Мы ещё долго бродили по лесу, воодушевлённо собирая шишки, очень необычные корни, похожие на загадочных фантастических существ и людей, активно делились найденным, пока не забрели на «дореволюционный кедровник» — рощу посаженного сибирского кедра. И тут же увлеклись собиранием кедрового ореха.

Остановились у одной очень высокой кедровой сосны. Димка высказал сожаление, что не может подняться на такую высоту за орехами.

— Тётя Гера, — вдруг обратился он ко мне, — а вы ведь можете летать, я ведь знаю. Почему же вы не летаете?

Я засмеялась:

— Откуда же тебе это известно, милый Димочка?

Он ответил, покраснев:

— Да уж известно... Всё знаю... И как вы мамку спасли мою, лекарство доставили, знаю...

— Ну, что же, раз ты уж всё знаешь, то знай и то, что полёт — это чудо, божий дар, который приходит не всегда и который нельзя расходовать напрасно... Для того чтобы полететь, нужно особое состояние духа и тела.... Впрочем, сегодня такой радостный день, почему бы и не попробовать!

И я легко скользнула в воздух, вознеслась ввысь и вскоре взирала на восхищённого Диму с почти сорокаметровой высоты.

— Ну, как, милый рыцарь?

— Здорово! И как это у вас получается?

Я уже стояла рядом с ним и улыбалась.

— Я давно хотел научиться так, — продолжал Димка. — Я знал, что вы летаете, пробовал, но у меня ничего не выходило. Видно, мне не дано...

— Согласна. Стать человеком — птицей не каждому дано, — серьёзно сказала я.

Димка стоял и смотрел на меня таким сияющим взором, в котором было настолько искреннее и сердечное принятие его собственной судьбы, что я увидела в глазах лишь понимание и ни капли сожаления.

Вобрав в себя всё это, я произнесла:

— А знаешь, у тебя тоже может получиться. Сегодня и сейчас. Давай попробуем.

Он пожал плечами и протянул мне руку:

— Возьмёмся за руки? Вы меня поведёте... вверх?

— Нет, так ничего не получится. Я буду вверху и протяну к тебе руку.

И вот — я уже вновь у вершины, повисла в воздухе, и рука моя протянулась вниз:

— Ну, давай, иди ко мне. Не думай больше ни о чём... Отрешись от всего и думай лишь о том, чтобы взять меня за руку. Ну же...

И спустя минуту до моих пальцев плавно дотронулись пальцы его руки.

Глава 11. «Ни дня без строчки — таков мой девиз!»

Вот и вся история, которую я пыталась поведать в своих записках. Может они показались кому — то чрезмерно фантастичными или излишне романтическими. Ну, что же, значит тогда нам просто не по пути! Вы другой человек и никогда не поймёте меня, пишущую эти строки!

Но что же было потом? Как сложились судьбы основных героев данного повествования?

Об этом, пожалуй, поведаю вкратце.

В сорок седьмом году мы свернули хозяйство и переехали с Орехово-Ванильное в город Росы. Мы снимали квартиру в частном секторе, выезжая на хутор лишь летом, в качестве отдыха, но потом и его продали.

Оксана устроилась работать преподавателем музыки, а я вела в школе кружок танцев.

Дима, наконец-то, пошёл в настоящую школу — его взяли сразу в шестой класс! Учился он поначалу очень неровно, отметками хорошими нас не баловал, но потом привык, втянулся, завёл новых друзей и стал одним из лучших учеников. С удовольствием посещал авиамодельный кружок, в котором стал первым помощником преподавателя, стал завсегдатаем городской библиотеки.

Вадим Острожский мягко опекал нас и вскоре стал мне очень близким другом. Это был чудесный, внимательный человек, несмотря на кажущуюся суровость.

Но нам предстояла разлука. Вадима направляли в Западную Белоруссию для уничтожения остатков фашистских банд. Как раз в это время Оксана собралась замуж.

Не желая оказаться лишней в доме, я переехала в город с островерхими красными черепичными крышами, куда меня пригласили (с подачи Вадима, через знакомых) в местный возрождающийся театр в качестве балетмейстера. С Вадимом и Оксаной мы активно переписывались! Вообще, семьи Острожских и Кошечкиных стали для меня родными! Забыла отметить, что у Оксаны теперь есть дочь, забавная девчушка, которую она нежно любит.

Осенью тысяча девятьсот пятьдесят четвёртого я предприняла первую попытку найти Максима Ковалевича — подала в официальный розыск.

Я буду искать его ещё очень долго, много лет, но безуспешно. Он пропал, будто океанская пучина жизни поглотила его!

Той же осенью вернулся из Белоруссии Вадим Острожский. Он разыскал меня, приехал с цветами, сделал предложение и повёз в загс. Так я решилась покончить с моим одиночеством.

Димка, теперь уже Дмитрий Константинович Кошечкин, закончил Балашовское авиационное училище и стал лётчиком. Пишет он мне нечасто, но присылает чудесные открытки с разных уголков земли (со временем он стал лётчиком международных авиалиний). О своих самостоятельных полётах, без всяких механических приспособлений, он не говорит ни слова.

В город своей юности я решилась выбраться лишь в пятьдесят шестом году. Долгое время не хотелось ехать — там всё напоминало о Максиме и о нашей погибшей любви, но

потом всё же решилась.

Стояла безоблачная восхитительная янтарная осень, как и в те дни нашей горестной любви.

С волнением в душе я подходила к так хорошо знакомому мне дому, который навсегда для меня оставался «домом Максима». Свет соломенного солнца лился на лимонно-багряные листья сада, и они беззвучно летели, как паруса.

В доме уже никто не обитал, вернее — жили сотни героев картин, ведь в нём теперь располагался Музей современной живописи. Я думаю, что о лучшем Максим не мог и мечтать!

Я купила билет и с удовольствием и грустью походила по музею, узнавая полотна знакомых мастеров.

И вдруг моё сердце замерло... Передо мною была картина «Гера», а, точнее, я сама в её образе — молодая и красивая. А вот и известное полотно «Над морем»! Как оно удалось Максиму — просто чудо!

Глаза стали мокрыми от волнения.

Собравшись с духом, я знаком подозвала к себе дежурную по залу, указав на оба полотна, спросила:

— Скажите, пожалуйста, а что подробнее известно об этих картинах?

Девушка обрадовано ответила:

— Это работы художника Максима Ковалевича. Его можно назвать представителем молодого советского искусства...

Она ещё долго говорила, подчёркивая особенности стиля, манеры... Я кивала, почти не слушая. Дождавшись паузы, решилась задать главный вопрос:

— А как сложилась судьба художника?

Девушка полистала брошюрку.

— Вот, судя по помещённой здесь информации, художник недолго прожил. Он скончался в 1929 году... Больше ничего о нём, увы, нет.

Скончался... Ничего о нём нет! Я сухо поблагодарила и медленными шагами побрела к выходу, еле сдерживая слёзы.

Сидя на скамейке, я долго вспоминала наши лучшие с Максимом дни. Спрятав в карман мокрый платочек, я пошла к трамвайной остановке.

Дорожки кладбища были усеяны листьями, а могилы заросли серой мрачной травой.

Я с трудом разыскала могилу Юлия Валерьевича Братуся, который после гибели родителей вырастил и воспитал меня. Помог мне смотритель, у которого оказался план всего кладбища. Пришлось прорубаться сквозь заросли кустов сирени, которыхросло слишком много.

Табличка на могиле сорвана, крест покосился, вся она засыпана листьями и ветками. Попросив у гробовщика грабли и лопату, я принялась за чистку могилы. Потом у ржавого крана помыла руки и сидела, дую на волдыри. Заплатив гробовщику за новую табличку, почувствовав, что голодна, как волчица, я побрела к выходу.

Я решила навеститься в знакомый ресторан. Полистав меню и заказав блюдо, я глядела по сторонам, узнавая и не узнавая то место, куда впервые, ухаживая за мной, пригласил меня Максим, и где я познакомилась с писателем Булатовым. Теперь, после ремонта, этот зал мне казался не совсем знакомым, привычным и не таким уютным, как раньше. Посетителей было немного, оркестра не было.

Ожидая заказ, я скользила взглядом по сторонам, переживая эпизоды минувших дней, когда мой взгляд остановился на полноватом, уже пожилom мужчине невысокого роста, одиноко сидевшим за столиком в углу зала. Он только что поставил маленькую рюмку на стол, потом отпил из большой чашки. Отодвинув чашку, он угрюмо посмотрел на пустую тарелку перед собой и резко склонил над нею голову. Собою он напоминал нахохлившуюся старую и больную птицу. На нём был выдавший виды, потёртый тёмный пиджак и галстук.

Я глядела на него и перед моим взором появился стадион, заполненный болельщиками, и этот же коренастый большеголовый крепыш в спортивном, ещё совсем молодой — ловко подаёт мяч.

Огненно-рыжий официант с весёлыми глазами принёс мой заказ, и я спросила его о человеке за столиком.

Он немного поморщился:

— А, так... Литератор... Когда-то известный. Часто заходит, ищет знакомых, поклонников его таланта, чтобы угостили. Много пьёт...

— Пожалуйста, отправьте ему от моего имени рюмку коньяку, а на закуску бутерброд с икрой.

— Будет сделано, — покорно сказал рыжий официант. — Простите, от чьего имени?

— Скажете, от давней знакомой Геры.

— Отлично-с.

Через пять минут официант отнёс заказ. Маленький человечек удивлённо поднял голову, посмотрел в указанном официантом направлении, никак особенно не реагируя.

Мы обменялись кивками на расстоянии. Вдруг я заметила, как он, неловко встаёт, чуть не опрокидывая стул, одним жестом руки проводит по щётке усов, другим поправляет назад седые волосы, берёт коричневую рюмку и тарелку и маленькими шажками идёт ко мне.

Теперь, когда он был рядом, я окончательно уверилась, что не ошиблась.

Он чопорно и кратко представился, разглядывая меня, наклонив голову:

— Алёшин. Писатель. С кем имею честь? Вы моя поклонница?

Говорил он хрипловатым, севшим голосом.

— В какой-то мере да, Георгий Кристианович. Меня зовут Гера. А вы, получается, совсем забыли меня? вспомните двадцать восьмой год, выставку молодых художников, картину «Гера» Максима Ковалевича.

— Вы позволите присесть? — спросил он.

Я кивнула, и он сел грузно, мешковато. Устроившись поудобнее, заговорил:

— Двадцать восьмой год. Замечательно! Как давно это было! Какое было время! Золото!

Он внимательно посмотрел на меня и выставил вперёд палец.

— Подождите... Вы — Гера... Припоминаю... Муза Ковалевича Максима, художника.

Я кивнула, улыбаясь, и добавила:

— Мы с вами после футбола в пивной познакомились. Я была с Максимом. А вы были в новеньком костюме, с цветком в петлице. Ели раков, пили пиво... Вы ещё спросили, какое моё любимое произведение. И я назвала вашу сказку.

Алёшин махнул рукой и сказал резко:

— А, сказку... Это не самое лучшее, что я написал... Но её издают, ставят на сцене до сих пор... До сих пор...

Он, опустив голову, задумался, а я сказала:

— Но у вас есть и другие замечательные произведения... А сейчас вы чем заняты?

Он посмотрел на меня блеклыми глазами, откинулся на спинку стула и произнёс:

— Я работаю... Я много работаю... Смотрите...

Он вынул из кармана пиджака блокнот, весь испещренный записями.

Бросил его на стол.

— О, готовите новый роман? — восторженно спросила я, листая механически блокнот.

— Какой роман? Никаких романов, вообще никакой беллетристики. Это новая проза! Это свободная проза... Это заметки, которые я делаю ежедневно... Да, каждый день! Ни дня без строчки — таков мой девиз! Сюжет не так важен. Я начинаю, например, с того, что пошёл дождь... И я оказался с девушкой в подворотне. Или, вспоминаю о вчерашнем походе на стадион. И это воспоминание потянет за собою цепочкой, подобные картины из детства... Или вот, зоопарк... Тоже ведь интересное место для описания... Вот так и тружусь! Жаль только, что вот, болею... А что поделаешь, жизнь к концу идёт!

И он, произнеся «ваше здоровье», залпом выпил рюмку коньяка не закусив.

— Георгий Кристианович, не беспокойтесь, вы успеете... Успеете написать! Я просто уверена...

Он кашлянул, зашевелился:

— Мне бы ещё написать одну вещь. Хочу сделать собственный пересказ десяти великих сюжетов. Можно сказать, классических. Вот, например, «Ад» Данте! Какое великое произведение, а ведь у нас его почти не знают! Представьте себе, поэт, спускаясь в ад, стесняется собственной тени, потому, что люди, его окружающие и спутник его — Вергилий, сами тени. Ему стыдно, что он человек, а они бесплотны. Какая великолепная, какая мощная фантазия! Или возьмём «Фауста»! Гёте создаёт величайшую фреску о любви, науке и творчестве, о сделке с Сатаной, о поиске идеала. Разве это не нужно сейчас человечеству, как лекарство? А вспомните Гомера, или Шекспира! Это же вершины человеческого духа!

Я кивала, видя, как старый и больной человек говорит увлечённо, при этом даже ничего не спросив обо мне. Наверное, он просто ничего не помнил, сидел глубоко в своём мире, как улитка в раковине.

И всё же я решилась задать вопрос:

— Георгий Кристианович, как вы помните, нас с Максимом Ковалевичем развела судьба... Эти аресты... Всё это мы пережили. Но с тех пор я ничего не знаю о его судьбе. А сегодня я была в музее современного искусства и мне сообщили, что художник Максим Ковалевич умер, даже год назвали. Ведь он был вашим другом. Вы случайно не знаете, как он умер, где похоронен, где его могила?

В это время Алёшин принялся за закуску а я, ожидая его ответа, в волнении тоже поглощала своё блюдо, не чувствуя никакого вкуса.

Пауза затянулась. Наконец писатель, вынув платочек, вытер губы...

— Ковалевич? — спросил он, глядя куда-то в сторону. — А он не умер...

Я оторопела:

— Как не умер? Он до сих пор жив?

— Конечно.

— И вы уверены в этом?

— Абсолютно, — твёрдо сказал Алёшин, — откинувшись всем телом на спинку стула.

И добавил:

— Такие люди быстро не умирают...

— Но если он не умер, то где же он?

Алёшин внимательно посмотрел на меня, пронзая глазами:

— Вот этого сказать не могу...

Я тяжело вздохнула, отнеся всё, что говорилось о Ковалевиче, к буйной фантазии автора. Решила спросить о другом.

— Скажите, а как сложилась судьба Михаила Булатова?

— А вот его уже нет с нами... Увы... Он ведь ещё перед войной скончался! Он был отличным драматургом, жаль, что его пьесы сейчас так мало ставят... Да и прозаиком отличным он был! Какой у него роман о театре! Волшебный роман! А вы знаете, что он написал перед смертью мистический роман? О, это шедевр! Его пока не напечатали, но я читал рукопись... Там есть чем восхититься! Но он увидит свет, поверьте мне! Увидит! И его ждёт мировое признание!

Я слушала восклицания Алёшина и видела, как он переполнен восторгом, и не желала его останавливать.

— А не знаете ли вы судьбы Жоры Аггелова? Он так помогал мне в своё время...

— Не хотелось бы об этом много говорить... Если коротко, Жору постигла и трудная и счастливая судьба. Был арестован, сидел, потом жил на поселении на Урале. Но вот недавно реабилитирован, вернулся, стал популярен, выпустил два сборника. Их в продаже вы не найдёте. Но если найдёте и прочтёте, то поймёте, что, несмотря на всю свою популярность, это уже не тот Аггелов, что был...

Мы увлеклись, перебирая всех знакомых художников и писателей.

— Багрецов? Очень неплохой поэт. У него есть чудная «Дума» — развитие идей самого Шевченко:

Опанасе, что с тобою?

Поник головою...

Глаз над левою скулою

Затек синевою...

-----.

Я не знаю, где зарыты

Опанаса кости:

Может, под кустом ракиты,

Может, на погосте...

Алёшин пробовал цитировать дальше, но сбился, махнул рукою.

— Он много болел... Его уже давно нет, ещё в тридцать четвёртом помер... Кто? Котов? О, этот здравствует... Он сейчас в фаворе... Генерал от литературы! Руководит молодёжным журналом. Пишет... Как он строит фразу! Как Верлада — дома...

— Верлада? — вздрогнула я. — А что с ним?

— С Верладой? Он погиб при задержании. Давно уж, год не помню... Оказался вражеским шпионом. Или его выдавали за такового...

Алёшин опустил голову и попросил, не глядя в глаза:

— Гера, дорогая, а можно ещё рюмочку.

Я подозвала рыжего официанта.

Мы ещё очень долго сидели и вспоминали о разном. Мне удалось расшевелить закостеневшую душу писателя. Чем дольше мы беседовали, тем больше Алёшин оживал, вспоминал, спрашивал обо мне и моей судьбе.

И я решила спросить ещё об одном человеке.

— Георгий Кристианович, а что стало с чекистом Глебом Боковым? Помните такого?

— Как же не помнить, — промолвил Алёшин, со вкусом затягиваясь сигарой. — Очень необычный был человек. И представьте себе, пострадал от своих же! Его арестовали в тридцать седьмом году. Помните, тогда чистки шли?

Я кивнула головой, хотя, что я могла помнить, ведь сама сидела в то время в изоляции. Знала о репрессиях в основном по рассказам Оксаны и Вадима.

— Боков был слишком уж независим от власти, слишком много знал. А такого не прощают! — говорил Алёшин, потягивая из рюмки.

— Так его расстреляли?

— Хм...Официально — то так... Но, ходят упорные слухи...

Тут Алёшин наклонился и прошептал мне на ухо:

— Арестовали — то двойника... А сам Боков исчез... Только молчок, я вам ничего не говорил. А жизнь такая интересная и опасная штука, как змея в руке. И жаль, что, ужалив нас, она быстро уползает...

Мы ещё какое-то время сидели вдвоём и беседовали о жизни, пока я не заметила, что Георгий Кристианович совсем осоловел, стал запинаться и как будто задрёмывать. Рыжий официант понимающе посмотрел на меня, и я очень попросила, чтобы тот позаботился о писателе, вызвал машину и отправил писателя домой. Официант с готовностью кивнул, для него это дело было привычным.

Я вышла из ресторана — стоял задумчивый осенний вечер. Пошла в опадающий парк, поднялась ввысь и полетала над дорогим мне городом, как когда-то летала с любимой птицей.

А поздно ночью лежала в поезде на полке и думала о своей судьбе. Всё что здесь со мной было — в прошлом!

Нужно было возвращаться домой. Меня ждала моя новая жизнь, мой милый муж Вадим, мои восторженные студенты! И я была им нужна!

А за окном мелькали ночные пейзажи, а колёса напевали мне какую-то грустную забытую песню.

Эпилог от издателя. 1971 год

Августовским вечером с большого океанского парохода, тяжело привалившегося к пристани крупного южного порта, сошли двое мужчин, по виду — иностранцы. Один из них — молодой, в цветастой рубашке, с лёгкостью вынес два небольших чемодана и подозвал носильщика. Второй — высокий, поджарый, с седой шевелюрой, в сером костюме, под которым виднелась белая рубашка, не спеша вышел следом.

Он остановился, с какой-то затаённой радостью оглядывая вечерний город, вдыхая запахи порта и южных растений.

Далее эти двое пошли за носильщиком до остановки такси. По дороге пожилой остановился у киоска и с какой-то тщательностью и жадным любопытством выбирал газеты, заплатив, тут же принялся раскрывать их и, если бы более молодой спутник его не поторопил, рисковал бы надолго застрять у киоска.

Спустя три часа оба уже ехали в поезде на север, пили чай с лимоном и неторопливо беседовали о том, о сём.

Потом молодой пошуршал купленными газетами, постелил себе и прилёг на верхнюю полку. А седовласый ещё долго смотрел в окно на проносящиеся пейзажи, пока тёмно-синий цвет не поглотил мир, оставив лишь мерцание огней.

Очнувшись от своих мыслей, он только сейчас заметил, что все пассажиры купе уже отдыхают. Тогда аккуратно он включил небольшой ночничок, с трепетом просмотрел какую-то цветную, хорошо изданную книгу в гибкой обложке. Спустя пять минут он уже лежал во тьме. Не спал, долго о чём-то думал, вздыхая и ворочаясь. Заснуть ему удалось лишь под утро.

Проснулся он от активного движения пассажиров. Младший, всё в той же цветастой рубашке, откуда-то принёс кофе и горячие бутерброды, приглашая старшего позавтракать.

В десять утра поезд прибыл на перрон удивительного города с оранжевыми островерхими черепичными крышами.

Стояло летнее воскресенье — тихое, бархатное, ласковое. В небе и во всей атмосфере ощущался скорый приход осени.

Двое приезжих прошли через небольшой стихийный рынок, взглядываясь в разноцветное изобилие овощей и фруктов.

Седовласый шёл устало, медленно, хлопал красноватыми глазами — явно сказывалась почти бессонная ночь и дальняя дорога. Его спутник же шагал бодро, вертел с любопытством головой. Он даже остановился, чтобы выбрать арбуз, постучал по его полосатому тугому боку. Но старший поторопил его, показывая на стоянку такси.

И вот чемоданы погружены в багажник «Волги» с оленем на капоте, и они катят по красивым улицам, разглядывая старинные дома и памятники. Молодой в цветастом щёлкает дорогим, по виду импортным, фотоаппаратом прямо на ходу, а седовласый с едва заметной улыбкой осматривает примечательные окрестности, заметно волнуясь. Попросили водителя остановить лишь возле старой крепости, которую фотографировали долго и тщательно.

Лишь через сорок минут они въехали в отдалённую часть города, утопавшую в садах. Здесь неистово пахло цветами, яблоками и грушами, спелым виноградом.

«Волга» затормозила у небольшого магазина. Водитель, выгрузив вещи, зашагал к

дверям за папиросами, а приезжие отправились пешком в переулок.

Тропинка привела их к деревянному зелёному забору и крашеным железным воротам, к калитке которых был привинчен нужный им номер.

— Ну, вот, этот дом, — сказал младший. — Стучи!

Но старший стоял в задумчивости, как бы вслушиваясь в звуки. Кудхтали куры, скрипело колодезное колесо, где-то играла радиолоа и пилили дрова.

Тогда младший сам постучал в железную калитку. Залаяла собака и выглянула девочка лет десяти. Светлые волосы её были заплетены в косички.

— Здравствуйте! А дома никого нет! — сообщила она, с интересом оглядывая приезжих.

— А тебе, наверное, запретили открывать и разговаривать со всякими взрослыми? — спросил лукаво младший в пёстрой рубахе, подмигнув девочке.

— Нет, почему, проходите, — сказала девочка, лязгнув железным запором калитки, и оттаскивая за цепь лающую собаку.

— Сейчас, подождите, я Кудлая в сарае запру, — кинула она на ходу.

Гости вошли во двор, пока девочка тянула собаку куда-то в густую тень.

Двор был засажен деревьями — яблони, вишни колебали свою листву, а у порога вился виноград. Стволы деревьев были обмазаны белым. Возле упавших яблок и груш летали пчёлы. В цветнике, за заборчиком, колебались красивейшие головки цветов.

Чемоданы они поставили у порога.

— Мы вошли, ничего? — спросил высокий и седой мужчина, ласково улыбаясь девочке. А младший сделал фокус — сначала в его руке ничего не было, а потом — оп! появилась конфета на палочке.

Девочка улыбнулась, застенчиво приняла подарок.

— Спасибо. Ничего страшного, что вошли, вы садитесь, отдыхайте, — кивнула она на скамейку, — а тётя скоро придёт — за молоком пошла.

— Какая красота здесь у вас, — промолвил младший. И сказал своему спутнику:

— Ну, ты отдыхай, а я снимаю на плёнку здешние красоты.

Было жарко, седовласый снял пиджак, положил на спинку скамейки, сел, вытянул ноги, улыбаясь, осматривая двор.

Вдруг наступила тишина, слышно было, как ветер шелестит листвой, гудят пчёлы да чирикают птицы.

Когда калитка спустя несколько минут открылась, хлопнула и звякнула, он встал. По дорожке грациозной походкой шла стройная, сухонькая женщина с тонкой талией, в простеньком платье. Лишь вблизи был замечен возраст этой женщины, седые ниточки в тёмных волосах, морщинки на загорелом лице.

Женщина с удивлением разглядывала гостя. Остановилась, поставив бидон на каменную дорожку.

— Здравствуй, Гера, — сказал седовласый смущённо и радостно одновременно.

Женщина, чуть прищутив глаза, отчего ещё более проявились морщинки, разглядывала этого высокого, пожилого, но достаточно импозантного гостя, и видела парк с бархатно-шелковистой травой, клумбу с цветами, фигуру мужчины, которая призрачно колебалась в горячем жёлтом мареве.

— А вы бы не могли нарисовать флейту и море? — промолвил седой мужчина странную фразу.

На это женщина, улыбнувшись, сказала:

— Ты ещё сказал, что моё платье похоже на цветок... А сейчас я в таком простом платье...

— Ну, что же это не важно... Важно, что мы встретились...

— А и правда, что мешает сделать это платье снова нарядным? — сказала она, а после с возгласом «Максим», она припала к груди седовласого мужчины.

На миг наступила полная тишина, лишь прозвенел звук далёкой бесприютной флейты.

И тут произошло чудо — платье Геры преобразилось, оно словно вобрало в себя все цветы росшие во дворе и стало разноцветным и нарядным, и сама она стала краше, ибо человек может быть красив в любом возрасте. Сединки стали уменьшаться, став паутинками, полетели по ветру, морщинки разгладились — шестидесятитрёхлетняя женщина помолодела лет на десять!

Всё это преобразование наблюдали изумлённый мужчина в цветастой рубашке и фотоаппаратом и девочка с косичками.

— А я наконец-то выполнил твою просьбу, — сказал Максим, и полез в чемодан. Он достал небольшую картину.

На картине был нарисован музыкант, сидящий с флейтой на берегу изумрудного моря.

— Вот, это тебе, вот смотри — флейта и море. Здесь изображён флейтист, заклинающий волну.

— Чудесно, — промолвила Гера, с восторгом рассматривая картину. — Но это такой дорогой подарок. Ты знаешь, я бы с удовольствием проникла туда, к этим волнам, но не хочу оставлять тебя.

— Ты ещё побываешь там, — пообещал Максим.

— Где же ты был, Максим, столько лет?

— Я живу в одной далёкой южной стране. Там я пишу картины, устраиваю выставки и продаю буклеты.

— Как же ты узнал обо мне?

— Прочитал о выдающемся балетмейстере — педагоге в одной брошюре. Сразу узнал тебя и решил обязательно увидеть. Я очень рад, что ты жива. Ведь все эти годы, я был уверен, что тебя нет на свете.

— А я искала тебя Максим, так искала. Как же ты спасся тогда, в двадцать восьмом году?

— С помощью друзей из комиссариата иностранных дел. Я тогда летел, летел, помнишь, первый и единственный раз. С трудами добрался до города на Неве. Помогли друзья, под чужим именем пересёк границу... Ну, об этом не так интересно рассказывать! Потом — обязательно! Кстати, хочу представить моего сына Александра.

— Очень приятно, — сказала Гера и протянула Александру смуглую ладошку.

— А это дочь моего воспитанника Димы Кошечкина, — сказала Гера. — Ну — ка назови себя.

— Юния, — промолвила девочка и покраснела.

— Юлия? — переспросил Александр.

— Нет, Юния, — ответила девочка с достоинством.

Дальше между ними было очень много приветственных слов, милых и искренних разговоров, всяческих вкусных угощений и прогулок. И приятный вечер, и блаженная ночь воспоминаний и отдыха.

А когда рассвело, Александр вышел к рукомойнику, поглядел в утреннее небо, и увидел,

как в чистом лазурном океане, взявшись за руки, парят две фигуры.

— Эй, а меня — то забыли, — закричал он и неожиданно для себя вознесся в небо и присоединил свою руку к руке отца.

А в доме в тихой спальне сладко спала маленькая Юния.

Серая кошка сидела на подоконнике и улыбаясь, глядела в небо.

Геру Леонидовну Метаксину, мою соседку по этажу, было очень интересно слушать. Обычно мы поднимались с пятого этажа на крышу, где стояло крепкое дубовое кресло, закалённое снегами и дождями, в него и садилась Гера Леонидовна и таинственным полушёпотом начинала свои рассказы. Иногда она как будто теряла нить повествования, её глаза обнимали всё небо — или дневное, голубое, или вечернее, звёздное, она следила за облаками, самолётами, планерами или птицами, но затем, будто опомнившись, она легко входила в прежнюю колею рассказа, с увлечением продолжая дальше.

Какое-то время я считал эти рассказы фантазиями пожилой, одинокой и очень романтической женщины.

Но перед смертью она передала мне эти записки, и, вчитавшись в них, проникшись их духом, я счёл всё рассказанное ею за правду.

Именно по этим литературным запискам, а также по рассказу Александра Ковалевича, которому я написал в Италию, и составлена повесть, прочитанная вами.

Мне безумно жаль было Геру Леонидовну! Она была очень одиноким человеком. После смерти мужа ни с кем не заводила знакомств, долгое время жила лишь работой, потом долго болела, но из последних сил навевывалась на почту или к почтовому ящику — ждала писем от нежного друга из Италии. Она завещала после смерти эти письма предать огню, что и было исполнено.

Гера Леонидовна была удивительнейшим человеком, кое-кто даже уверял на полном серьёзе, что она ведьма и что видел, как она летала. Наверное, эти слухи рождались оттого, что она любила, поднявшись на крышу, посидеть там в кресле и посмотреть на небо. Но чтобы летала, была ведьмой? Многие считали это полнейшей чушью, но теперь, после прочтения этих записок, я склонен поверить во всё, что угодно!

Конечно, по прочтении записок остаётся немало загадок. Например, из какой семьи Гера, кто её родители? О них сказано как-то вскользь. Не исключено, что и её отец обладал способностью летать. И ещё... Где всё — таки происходит действие? Города и посёлки в записках зашифрованы, и люди, жившие в действительности, носят другие имена. Но, я думаю, внимательный и интересующийся читатель разгадает большую часть псевдонимов.

Добавлю лишь, что, готовя эти записки к печати, превращая их в художественное произведение, я решил максимально сохранить язык и стиль автора, ведь он так напоминает прошедшую эпоху. Я позволил себе лишь сократить длинноты и опустить повторяющиеся места, а также некоторые бытовые и очень личные подробности.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net